

МАРЬЯ КАРТАШЕВА

ПРОСТОТА ВЕЧНОСТИ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Мария Карташева

Простота Вечности. Пробуждение

«Автор»

2024

Карташева М.

Простота Вечности. Пробуждение / М. Карташева — «Автор»,
2024

Её нашли на обочине. Она потеряла память и бредёт в темноте своих воспоминаний. Но она снова обретёт себя, ведь она – Всевеликая Ведьма Параллелей. И пока нити, связывающие наши миры, не порвались, она должна победить.

© Карташева М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мария Карташева

Простота Вечности. Пробуждение

Глава 1

Осень соскребала с города грязь, мела улицы ветрами, мыла дома дождями и чистила береговую линию маленького портового приморского городка от мусора, привезённого со всего света неугомонными и вездесущими туристами. Свежий ветер со взморья нёс чуть подтухшие ароматы рыбы, водорослей, забирал запах машинного масла и гарь из каптёрки порта и летел дальше. Непогода, бушевавшая целый день, к вечеру немного выдохлась, и теперь вечер укрывал город лёгкой моросью осеннего дождя, разгоняя припозднившихся прохожих по домам. Городок пустел, окна домов окрашивались неярким светом, и никто не хотел без надобности покидать тёплый уют жилищ. Так что теперь безопасно можно было ходить тем, кто хотел избежать ненужных нечаянных встреч.

Сейчас по глухим переулкам, преломляясь в свете редких фонарей, скользили две одинокие тени. Фигуры двигались безмолвно и скоро, шаги мужчины были более уверенны, он явно знал пункт назначения, а девушка же, напротив, неуверенно отставала и испуганно оглядывалась по сторонам.

Вскоре они вышли к набережной, и Сати, задохнувшись от хлёсткого сырого ветра, спросила:

– Долго нам ещё идти? – она окинула взором длинный пирс, держащий на привязи несколько судёнышек, практически полностью скрывавшихся в набегаящих студёных волнах.

Оглянувшись на неё через плечо, попутчик молча указал на небольшой домик, примостившийся в самом углу, позади громадин-складов, где портовые службы держали разнообразный забытый хлам.

– Уже близко. – тихо отозвался он.

Подойдя ближе к строению, Сати недоверчиво оглядела шаткую лестницу, которая вела к железной, изрядно потрёпанной ржавчиной двери. Она заметила, как её спутник внимательно осматривает поддёрнутое тьмой пространство, оставшееся позади и как будто принимает, пробуя выискать чуждые запахи в порывах морского бриза.

– Поднимайся, – коротко бросил он, всё ещё не отвлекая взгляда от вздымающегося серой пеленой моря.

Дверное полотно отворилось, изнутри потянуло тёплой затхлостью, луком и терпкими травами, блеснул огонёк лампочки, и Сати шагнула в неизвестность.

Глаза не сразу привыкли к свету и первым, что девушка увидела, был щербатый стол, занимавший почти половину каморки. Очевидно, стародавняя, пережившая не одних хозяев, отполированная временем столешница была испещрена древесными морщинами, в складках которых скрывались неприметные полустёртые надписи. Но в тот же момент, как Сати попыталась разглядеть их, на поверхность стола опустилась белая скатёрка, местами потрёпанная и поддёрнутая желтизной.

– Проходи-проходи. Я Зинаида, – благодушно улыбнулась суеязящаяся по хозяйству женщина. – На-ка, поставь.

Она сунула девушке в руки две плошки: в прозрачной креманке янтарём переливалось варенье, а в глиняной миске горкой лежало пахнущее корицей печенье.

– Сейчас чаёк поспеет, – пухлой рукой женщина потрогала горячий бок закипающего чайника. – А ты чего стоишь-то? Одежку верхнюю скидывай в прихожке и садись. Почаёвничаем, поговорим.

Сати повернулась и, не обнаружив своего провожатого, растерянно спросила, расстёгивая пуговицы стёганного пальто:

– А где? – она показала подбородком в сторону выхода, смущаясь вслух называть мужчину Антикваром, хотя он ей так представился, и другого имени она не знала.

– На что он тебе? Проводил и пошёл человек по делам. – Зинаида подскочила как ужаленная от затяжного свиста чайника. – Ну вот, поди ж ты, опять, всё никак не привыкну, вопит как окаянный. – ворча себе под нос, она пустила дымящуюся струю в заварник, откуда вскоре повалил, напоённый благоуханиями летних цветов, пар.

– Но как же? – Сати развела руками.

– Да не переживай, он мне загодя сообщил, что не останется. Позже подойдёт. – успокоила её женщина и сделала приглашающий жест за стол, – Ну, давай вареньицем побалуемся. Сама сварганила летом, соседка яблوك подкинула, я-то дюже их люблю.

Звонким ручейком вился рассказ Зинаиды о жизни, она пересыпала его потешными словечками, подливала пахучую жидкость в чашку девушки, но между тем внимательно рассматривала гостью.

– Ну что, время принимать царство-то твоё нынешнее. – хлопнула ладонями о поверхность стола тётенька так, что Сати дёрнулась от неожиданности. – Пойдём, я тебе всё покажу.

Зинаида встала, отодвинула полог, отделявший остальную часть жилища, и Сати, пройдя за ней следом, обнаружила себя в небольшом коридоре, откуда наверх вела лесенка в три ступеньки.

– Там наверху можно жить, там и кровать, и печка. – щёлкнув выключателем на стене, женщина поманила девушку за собой по круто уходящей вниз лестнице. – А пока нам сюда. Местечка тут немного, да и запустила я малость работу свою, – Зинаиды прыснула со смеха. – Я, когда сюда пожаловала, этакий кавардак имелся, еле разгробла.

Пока они спускались и шли по длинному коридору, искрами вспыхивали и тут же затихали лампы, освещая идущим дорогу, и, наконец, последняя дрожащая волна света улеглась, и перед Сати открылся большой подвал, заваленный разномастными вещами. Девушка с удивлением оглянулась и покачала головой, потому что с виду домик был неказист и мал, но вот нижняя подвальная часть была огромной.

– Ну да, с набережной лишь только фасад видать, – Зинаида словно разгадала мысли гостыи. – Строение-то, знаешь, очень далеко вглубь идёт. Я-то до конца и не доходила. Там чуть ли не лабиринты. Боязно. – тихо добавила она. – Здесь гремит чего-то по ночам, но ты не бойся, пошумит и перестанет. Крысы, наверное. – Зинаида передёрнула плечами. – От ты посмотри, чего деется, я энту лампочку, – женщина указала туда, где в глубине помещения стеллажи терялись во мраке, – уже замучилась вкручивать. День через день перегорает. Ну ничего, здесь поутру много портовых ребятишек бегают, поймаете кого из них и попросите вернуть. Сама не лазай, там вообще ноги переломать можно. Да и кто его знает, чего там водится, там дверца тоненькая от остальной части подвала наш кусок отделяет. – Зинаида зычно зашлась смехом и вскоре, утерев выступившие слёзы, продолжила давать инструкции по работе.

Краска схлынула с лица девушки, после тех деталей, которые обрисовала словоохотливая женщина, потому что Антиквар описывал ей предстоящую работу несколько по-другому. И ещё Сати никак не ожидала, что в этом месте будет так темно и мрачно. Девушка с опаской поглядывала по сторонам и размышляла о том, стоит ли вообще здесь оставаться.

– Кладовщицей у этаких чумных ишачить – смех. Антиквар с хозяином тутошним чего-то привозят, что-то приобретают за бешеные капиталы. Порой взглянешь, тю, вещь давнишняя, мятая, а они прямо млеют, глядя на это. По мне, к примеру, блестящая сковородка – это вещь! – рубанула воздух ладонью женщина. – Кстати, Антиквар-то, это ему от меня прилепилось. – Зинаида весело вскинула глаза на Сати. – Это он особый любитель древностей, и ты смотри, он прям заходитесь весь, если не так вещички его лежат.

Голова Сати сделалась тяжёлой от бесконечного монолога шумной женщины, она уже грезила оставить это место и окунуться в порывы свежего ветра, прочистить лёгкие и подумать, что делать со своей дальнейшей жизнью.

– Может, мы завтра продолжим экскурсию? – Сати вымученно улыбнулась.

– Тю, так ты сюда, как в музей пришагала, – Зинаида остановилась и отвлеклась от перебора папок, – а чего ж я тогда перед тобой распинаюсь? Я думала трудиться тут будешь.

– Конечно, работать я пришла. – Сати опешила от резкости собеседницы.

– Тогда слушай и ушами не хлопай, один раз втолкую, и всё. Завтра ты меня на этом месте не отыщешь уже. Вот так!

Закончив с делами, хозяйка шумно выдохнула.

– Выйдем наверх, хватит тут пыль собирать.

Покинув наконец громадный подвал, Сати с облегчением выдохнула и прошла за женщиной в комнату, про которую та говорила прежде.

– А имя у тебя пригожее, – она умолкла на мгновение и задумчиво протянула, – Сати.

– Вряд ли оно моё, я появилась на свет уже взрослая. Нашли меня, и имя, как приросло, будто бы оставил кто-то на кромке дороги, откуда возникла теперешняя жизнь. – проговаривая это, Сати приблизилась к поблёкшему от пыльного налёта тонкому стеклу, за которым уже совершенно затерялся во мраке шумный прибор.

– Это как это, нашли? – Зинаида складывала свои вещи в полосатую сумку.

– Возможно, меня сбили машиной или что-то ещё произошло, но только очнулась я на обочине дороги. Точнее, Антиквар ехал и заметил, что лежу среди кустов. Я до сих пор вижу его склонённое надо мной лицо, казалось, оно было окружено сиянием, – Сати улыбнулась и пожала плечами, – но это был свет фар. В больнице диагностировали потерю памяти, в полиции приняли заявку, но пока, видимо, никто не ищет. – Сати пожала плечами.

– Ну, найдут. – махнула рукой Зинаида. – А мне подмена давненько надобна. К детям перебираюсь.

– Да он сказал, поддержит первое время и через своих знакомых попробует отыскать, – Сати запнулась, – мою прежнюю жизнь, что ли.

– Ты не отчаивайся. – сказала Зинаида. – Что ж, пойду, собираться буду. Слушай, вон там на полке каминной тетрадка лежит, если чего забудешь, я тебе всё написала.

– Как? Вы прямо сегодня уезжаете? – девушка всплеснула руками. – Справлюсь ли? – Сати примостилась на краешек стула и увидела, что в помещении и правда есть камин, не замеченный ей ранее.

– Куда денешься, – ободряюще кивнула ей женщина, – я и так замешкалась. А мне, знаешь ли, денег не плотят за то, что с тобой здесь чай распиваю. Вон за той дверью комнатка славная. – Зинаида указала на небольшую дверку вверх. – Для чего жильё снимать и денежки расходовать. Я там жила, когда холодно сильно, то очаг топила. А что? Хорошо и тепло, и уютно сразу. Ну а ты, как сама решишь. Счастливо оставаться, – подхватывая свою сумку, выговорила женщина. – А, постой, – она пошарила в кармане рабочего халата, что висел на гвоздике, – вот ключ от склада. Не потеряй, – Зинаида заглянула ей в глаза. – Это важный ключик.

– А как им пользоваться-то? – но вопрос повис в воздухе.

Зинаида, буркнув что-то на прощанье, уже ушла, пока девушка рассматривала странный предмет, который при первом взгляде вряд ли можно было назвать ключом.

– Это больше на амулет какой-то похоже. – Сати подняла висящий на цепочке и сияющий голубым камнем искусно выполненный ключ.

Безмолвие опустилось на неподвижное пространство, Сати некоторое время сидела на стуле, вслушиваясь в странные звуки, доносившиеся то с улицы, то из глубины чудного строения. Справившись с волнением, она решила осмотреть комнату, где ей предстояло прожить какое-то время. Настольная лампочка плохо освещала помещение и девушка, включив тор-

шер, оглядела крохотную комнатёнку. Здесь было чисто прибрано и даже имелось небольшое оконце, днём из которого, наверное, видно было море, сейчас затерянное в объятиях темноты.

Несколько недель Сати пыталась разобраться с ворохом бумаг, оставленных прежней хозяйкой, знакомилась с рабочими, которые забегали к Зинаиде на чашку чая и оседали надолго, увидев, что теперь здесь трудится молодая красивая женщина. Ежедневно её навещал мужчина, который при первом знакомстве представился как экспедитор Ерофей. Он привозил и увозил какие-то вещи и коробки, и ставил затейливые закорючки в графе «принял – отпустил». Однажды даже пожаловала его супруга, оценила Сати как потенциальную соперницу и по каким-то своим внутренним меркам решила, что она не опасна.

– Подкормить тебя бы надо, а то вон какая тощая, – сказала женщина.

И теперь ежедневный рацион Сати, состоящий из полуфабрикатов, значительно расширился за счёт домашних яств, присылаемых заботливой женой Ерофея.

Антиквара с того дня, как он привёл её на новое место жительства, девушка больше не видела, не было от него и вестей. В полиции, куда она отправилась справиться не искал ли её кто-нибудь, сказали, что новостей пока нет. Монотонный перебор будничных дел, свежий морской ветер и много новых знакомств отвлекали девушку от тяжёлых мыслей, которые не давали ей покоя. А ещё корабельные ремонтники починили несколько фонарей на пирсе, и теперь Сати по вечерам, кроме чтения, развлекали весёлые волны, больше не прятавшиеся во тьме и видимые из окна.

Однажды вечером, она бросила взгляд на улицу и увидела, что над землёй и морем белым облаком парит снег. Зима начинала понемногу вонзаться в пространство ледяные когти, сеять своё колдовство вместе с северным ветром и выюжить, вырисовывая на окнах узоры заклинаний. Сати подумала, что ледяной панцирь вскоре закроет прибрежные воды, и тогда почти остановится портовая жизнь, так ей сказал Ерофей, предчувствующий начало холодов. И Сати вдруг стало очень тоскливо, потому что она чувствовала, что скоро опять останется одна, а работа на этом складе – просто короткая передышка.

– Только вот понять бы от чего я здесь отдыхаю.

Сати очнулась от внутреннего монолога, и взгляд её упёрся в тонкое полотно снега, лежавшего на набережной. Внимание её остановилось на ровной цепочке следов, и беспокойное дыхание перехватило горло. Ранее в такую пору здесь уже никто не ходил, и рабочие, которые помогали поставить ей новую дверь, наказали никому не открывать после того, как у них заканчивается смена. Девушка быстро выключила свет, чтобы с улицы её не было видно, и присела на стул чуть поодаль от окон, при этом имея возможность видеть весь берег. Стрелки часов медленно брели по кругу, дремала ненарушенная тишина, и сон вскоре уютно устроился на ресницах Сати. Очнулась она только под утро, с трудом разгибая застывшее за ночь тело. Не желая беспокоить людей, она не стала рассказывать о ночном инциденте, тем более что шумная ватага ребят-кочегаров, присланных опробовать очаг, целый день толпилась в её скромном жилище, и ночное происшествие уже не казалось чем-то из ряда вон. Наверное, просто кто-то задержался на работе.

– Ну всё, пользуй красавица, – блеснул жёлтыми зубами вымазанный сажей паренёк. – Нам Матвейч наказал всё здесь прочистить и проверить, чтобы работал, – он похлопал котёл по тёплому боку. – Мы все исправно сделали, может, надо окропить работку? А, красавица?

– Иди домой, кропи с молодой женой. – послышался от дверей глухой бас. – Брысь отсюда, Казанова.

– Это главный инженер, Матвейч, пришёл проверить, все ли его указания выполнены. – пояснил новенькому помощнику паренёк и, толкнув топтавшегося на месте юношу, пошёл на выход.

Сати иногда казалось, что Ерофей и Матвейч взяли над ней негласное шефство и чутко блюли территорию, где обитала девушка. Вся местная шпана была предупреждена не лезть

сюда со своими глупостями, поэтому Сати жила спокойно и даже не боялась ходить тёмными вечерами по местным улицам.

День снова пролетел в заботах, и вечером Сати задремала под уютный гул в трубе очага. Посеребрённая зимним дыханием паутина ветвей стучала в окно, беспокоясь от налетевшего ветра, и Сати, разбуженная этим звуком, проснулась посреди ночи. Она вышла нагреть чайник и подкинуть пару дровин в тлевший очаг, как услышала за входной дверью осторожную возню. Девушка замерла и на цыпочках пошла в прихожую. Откинув тяжёлый полог, который помогал сохранять тепло внутри, она босыми ногами встала на стылые доски и прислонила ухо к полотну двери. Снаружи кто-то скрёб стену, повизгивал и суетился. Сати долго прислушивалась к шуму и вдруг её осенило, что это может быть замерзающая кошка или собака. Она накинула пальто и, сунув ноги в сапоги, стала возиться с замком. На той стороне замерли, и через секунду девушка услышала, как трясётся от чьего-то бега железо лестницы. Кинувшись к окну, Сати увидела лишь следы, скоро пересёкшие лежавший снег, но теперь было понятно, что там просилась явно не животина, искавшая тепла, хотя и на человеческие отпечатки это тоже было не похоже. Сердце девушки нехорошо сжалось, и она до утра сидела в кресле, поджав под себя ноги и укутавшись в одеяло.

На востоке ярко занимался рассвет, Сати сквозь сон слышала лязганье железа, сигналы машин и ругань рабочих. Ночное происшествие выбило её из колеи, в которой она так уютно пряталась от себя самой, и утром на неё навалилась душевная хандра. Потеряла свою прелесть эта милая комнатёнка, не радовал теплом камин и пироги, присланные Ерофеевой половинкой, казались пресными.

– Что с тобой сегодня? – Ерофей помогал Сати пересчитать одинаковые синие вазы, присланные хозяином склада.

– Всё хорошо. – натужно улыбнулась девушка, не отрываясь от работы.

– Ну как знаешь.

Экспедитор погрузился в машину, но вдруг Сати заметила, что он снова возвращается и словно выискивает что-то у входа.

– Ерофей, ты чего? Забыл чего-нибудь? – она выбежала навстречу, но поскользнулась на подсохшей ледяной корке и падая зацепилась за перила. – Да что ж такое.

Девушка удержалась на ногах, но из середины ладони, которой она уцепилась за железный поручень, стала сочиться кровь.

– Мне пора, – смешался Ерофей при виде оказии барышни, слегка побледнел и ретировался в машину, лишь крикнув на бегу, чтобы на помощь кого-нибудь позвала.

– Ну да, – проворчала Сати, – МЧС сейчас вызову, как же, руку же почти оторвало.

Промокнув платком ссадину, она поискала глазами что-нибудь похожее на аптечку и вдруг сообразила, что ничего у неё нет. Даже простой перекиси.

– Ладно, – Сати промыла рану кипячёной водой, – не отвалится, надеюсь.

Ещё один день закатился за горизонт вслед за солнцем, и Сати, вооружённая одолженным биноклем и целым кофейником с бодрящим напитком, села у окна в твёрдой решимости дожидаться незваного гостя. Электронное табло телефона показало, что уже полночь, но вокруг было тихо, тревога потихоньку испарялась, и Сати подумывала уже лечь спать, но вдруг рука в пораненном месте стала ныть. Сати раскрыла ладонь, и реальность тихонько поплыла у неё перед глазами: края ранки щерились чёрным кантом, словно страшной пропастью беззубой пасти. Мозг суетливо заметался, страх передал дыхание, и девушка, кинув в сумку кошелек, побежала в ближайшую аптеку.

Нужный адрес находился совсем рядом, идти было недалеко, но короткий путь в арке перегородил какой-то спящий грузовик. Холодный ветер вынуждал её идти быстрее, под пальто у неё была лишь ночная рубашка да шерстяные штаны, наспех натянутые для тепла. Сати углубилась в арку соседнего дома, здесь ветер немного стих, и мороз стал сразу как-то

мягче. Она пересекла ещё пару дворов и вышла в незнакомый переулок, хотя думала, что уже знает все окрестности.

– Простите, – Сати увидела шагающую ей навстречу девицу, – мне кажется, я заблудилась.

– Если заплутали, то надо выходить на нужную дорогу. – взглянув Сати в глаза, проговорила прохожая.

– Как аптеку найти, не подскажете? – Сати чувствовала, как нарастает боль в руке и немеют пальцы на ногах от холода.

– Туда. – барышня мотнула головой себе за спину, – вон в ту арку, так вернее и быстрее.

Снежная позёмка стелилась, повторяя изгибы улочки, перекатывалась клубами у самых ног, тянулась вверх и снова прижималась к земле. В раскачивающемся свете фонарей, снежинки, очарованные искрящимся пламенем, замирали на мгновенье, но в последний миг бросались в рассыпную. Девушка долго петляла по незнакомым местам, но поняла, что окончательно заблудилась. Сати вдруг увидела лишь одно окно, среди безжизненных коробок домов, которое бросало тусклую полоску света, на ночной тротуар. Поискав вход, она увидела под налетевшим снегом подёрнутый морозцем камень ступеней, которые поблёскивали от наледи и каскадом уходили вниз.

Сати стала спускаться, цепляясь за прутья железной решётки, отделявшей вход от улицы. Малейшее скольжение сулило ей барактанье, быстрый спуск и очень неприятную остановку, но как бы осторожно она ни спускалась, лишь гигантский прыжок спас её от близкого знакомства с каждой ступенькой. Оторвавшись от приветливо принявшей её стены, Сати мысленно выругалась и стала стучать в дверь. Но деревянное полотно само отворилось, заскрипело, выдавая пришедшего. На улицу вывалились клубы тёплого воздуха, самостоятельная дверь стукнулась, задев что-то стоящее позади неё и стала медленно закрываться.

– Можно войти? – Сати придержала украшенную инеем створку и переступила порог. – Есть кто?

Кусок толстого полиэтилена, приделанный на манер занавеси, отделял освещённое помещение от заставленного миллионом вещей коридора, за ним металась чья-то тень, слышался напев, но на её призывы никто не реагировал. Сати отёрнула полупрозрачный полог и увидела, что за ним посреди небольшой комнаты пылала огнём железная бочка, дым от которой тянуло вверх по широкой печной трубе, непонятно откуда взявшейся здесь. И в костёр с увлечением бросал попадавшиеся ему под руку предметы маленького роста старичок с торчащими во все стороны, словно воткнутая солома, волосами.

Сати даже вздрогнула, когда он прокаркал, не оборачиваясь на неё:

– И даже не надейся, что как в детских книжках, я превращусь из ворчуна, в старого доброго дедушку, который будет умильно сюсюкать над твоими детками. Не надейся. Я слишком хорошо знаю этот мир, чтобы восхищаться какашками младенцев, и радостно скакать по комнате с криками, «ура, мы покакали». – он остановил указательный палец прямо перед её переносицей, – все просто рехнулись от ощущения собственного величия, – он задумался, присматриваясь к Сати, – и все в поисках бессмертия, почему-то. Этим величием смердит повсюду. – он принялся к ней. – И от тебя смердит, только ты ещё этого не осознала. – старик долго и сосредоточенно смотрел на разложенные предметы у него на столе, – да, и если ты веришь этому старому холеному мерзавцу, то хочу тебя разочаровать, – дедок расплылся в злой щербатой улыбке, – он задумал нехорошее, но ты так глупа, что, когда в твои прогнившие мозги дойдёт эта мысль, – пожилой мужчина пустил пузыри сквозь губы и вывалил язык, – будет поздно.

Бессвязное ворчание оборвалось на полуслове, старикашка остановился посреди комнаты, долго и молчаливо морщил лицо, водил бровями и делал странные движения ртом.

– Ла-ла-ла-ла, – вдруг он начал распевать какой-то мотив и скакать на одной ножке. После чего остановился, удивлённо воззрился на Сати и спросил. – Чё это?

– Добрый вечер, – певучее приветствие донеслось от проёма в стене. – Не удивляйтесь, всё это время дедушка разговаривал со мной. Простите, что сразу не отозвалась, но я вынуждена была закончить одно дело. – из соседнего проёма вышла женщина, облачённая в длинное, коричневое платье, тупоносые башмаки на низком каблуке, а скромный пучок венчал её голову, у Сати даже мелькнула мысль, что женщина словно сошла с картины о жизни в девятнадцатом веке.

Краем глаза Сати наблюдала, как дедушка, задирая голову вверх, обходит её со всех сторон. Старичок прищуривал один глаз, причмокивал. Потом подошёл поближе и стал указательным пальцем тыкать Сати в грудь, затем палец убрал, сплюнул, задрал голову вверх, оттянул уголки губ вниз, обнажая два торчащих снизу зуба, и прошамкал, глядя на хозяйку дома:

– Чайна, чё это?

– Это не чё, это кто. – с улыбкой парировала та, которую он назвал Чайной. – Это гости, дедушка. – она улыбнулась.

– А, – коротко и отрывисто крикнул старик, явно потеряв интерес к Сати.

– Дедушке нравится огонь, – продолжила Чайна общаться с Сати, при этом мягко, но настойчиво разворачивая дедушку лицом к столу, где он радостно заметил свои игрушки. – Чайна снова улыбнулась, – поэтому он обходит все помойки в округе, а потом сжигает всё, что принёс. Так что здесь не всегда так много вещей. – словно извиняясь, проговорила она.

– Простите, что я к вам ворвалась, но дверь была открыта. Понимаете, я аптеку искала, но, видимо, совсем заблудилась. Везде темно и только в вашем окне свет увидела.

– Что у вас случилось? – Чайна вскинула брови.

– Да, – отмахнулась Сати, – руку днём слегка поранила, а к вечеру смотрю, края раны почернели и ноет сильно.

– Покажите-ка мне. – нахмурилась Чайна и, взяв ладонь Сати в свои руки, поманила её за собой. – Идём в мою комнату. Дедушка нервный, не будем его тревожить.

Сати потянулась вслед за хозяйкой этого странного жилища, недоумённо разглядывая всё вокруг. Почему-то Сати это пространство казалось нереальным, оно больше походило на сказочное, какое рисовали раньше в книжках, пренебрегая всякими законами физики. Тарелки, стоявшие на полках покосившегося буфета, должны были давно свалиться на пол, но каким-то чудом держались, игрушечный ёж, лежавший на полу, вдруг пошевелился, и Сати чуть не вскрикнула, но потом увидела, что это отсвет от пляшущего пламени очага, и ещё ей показалось, что за спиной кто-то прошёл, и Сати решила, что нужно поскорее попрощаться с добродушной хозяйкой и побыстрее убраться из этого странного места.

– Я, наверное, пойду. – сказала Сати, отодвигая полотняную занавесь, за которой скрылась женщина.

– Конечно, пойдёте, жить я вас к себе не приглашала, у нас и так тесно. – улыбнулась Чайна и кивнула на стул, стоявший рядом с крохотным столиком. – Садитесь, я вам помогу.

Сати послушно села, разглядела усиливающуюся метель за окошком, задёрнутым мешковиной, посмотрела на старые ободранные обои, больше похожие на лоскуты бумаги со странными значками, и почему-то эта комната показалась ей знакомой.

– Дайте мне посмотреть. – Чайна взяла Сати за руку, сняла промокшую повязку и опустила куда-то за топчан, откуда сразу послышалось радостное чавканье и возня.

Сати с тревогой посмотрела на неё и чуть севшим голосом спросила:

– Что это?

– Мусорные бачки ненадёжны. – пространно прокомментировала хозяйка. – Кто это сделал? – указывая на расширяющуюся рану, спросила Чайна.

– Упала и поранилась. – Сати всё ещё прислушиваясь к звукам, идущим из-под кровати, как вдруг краем глаза заметила, что за тканевой перегородкой словно пролетела чья-то тень.

– Не волнуйтесь, – мягкий голос Чайны успокаивал, – это Пава. Дорогая, завари нам чаю, – чуть повысила она голос. – Я обработаю вам рану, а потом провожу до аптеки. Мне всё равно нужно сходить кое-куда.

– Спасибо. – Сати споткнулась на полуслове, потому что масса воздуха прямо перед ней начала постепенно обретать, словно нарисованные карандашом, очертания высокой, бледной девушки, в которой Сати узнала незнакомку, что подсказывала ей путь до аптеки.

– Целебный чай, он поможет. – поставив чашку перед Сати, девушка наклонила голову под притолокой и выплыла за дверь.

Услышав голос, Сати точно убедилась, что она встретила эту барышню по дороге.

– Простите, а что это было? Как она так, – Сати не смогла подобрать нужное слово и выдавила из себя, – материализовалась? И по-моему, я видела эту девушку.

– Быть может. – Чайна пожала плечами и продолжила смешивать в медной ступке пахучую крупку трав, потом подлила воды из графина и зачерпнув зелёную жижу, взглянула на Сати, – давайте руку.

Чайна, резко схватила раненую ладонь Сати, резким движением высыпала едкую смесь прямо в рану и, крепко сжав запястье девушки, с какой-то нечеловеческой силой вдавила пальцем в центр ладони приготовленное зелье. Сати показалось, что её пронзили кинжалом: нестерпимая жгучая боль окатила девушку с ног до головы, звуки начали сглаживаться в угасающем сознании, она провалилась в тягучее забытие, и только чей-то визжащий крик провожал её по лабиринтам боли. Реальность пыталась возвращаться урывками, продиралось сквозь замутнённое зрение обеспокоенное лицо Чайны, а Сати лишь чувствовала, как её колотит ледяной озноб, оседающий холодной влагой на побледневшем лбу.

– Ох, как вы меня напугали, – с облегчением проговорила женщина. – Садитесь. Как вы? – Чайна помогла Сати подняться с пола, куда она свалилась во время обморока.

– Что это было? – Сати попыталась разжать сведённую судорогой руку.

– Мазь такая, – виновато улыбнулась врачевательница. – Я просто знаю несколько старинных рецептов. Вам лучше? Голова не кружится.

Сати отхлебнула из глиняной кружки горьковатый настой, который комом провалился в желудок, закашлялась и решила, что ей пора всё-таки найти настоящую медицинскую помощь.

– Вы знаете, я благодарна вам, но, наверное, мне пора, – часы, стоящие перед ней, показывали, что провела она здесь уже почти три часа.

– Если вам лучше, то это отлично. Мне тоже надо спешить, я провожу вас. – Чайна подхватила клетчатую накидку, отороченную жидким мехом и странный чёрный саквояж.

– Не стоит. – Сати замотала головой, девушке совсем не хотелось и дальше проводить время с Чайной. На сегодня приключений было достаточно.

– Не переживайте, я вас провожу в нужное место. – мягко, но настойчиво сказала Чайна.

Женщина пропустила Сати вперёд, как-то протяжно вздохнула и чуть поморщилась, когда увидела, что к ним по коридору несётся дедушка.

– А всё равно у вас ничего не выйдет! – старик стал по-детски скакать, смеяться и закручивать восьмёрки вокруг застывших женщин. – Потому что все вы мерзавцы! – радостно взвизгнув, он схватил лыжную шапочку и довольный умчался обратно в комнату под аккомпанемент рухнувших завалов.

– Милая, приberi за дедушкой. – стараясь держать себя в руках, Чайна выдохнула и проговорила, – Пава, я надеюсь, тебе не нужно напоминать, что ты должна делать?

– Нет. Я помню. – по лицу девушки лёгкой судорогой пролёг какой-то протест, но спустя секунду, лицо её снова просветлело улыбкой. – И желаю вам удачи.

Чаяна поманила за собой Сати, прошла через комнату и подойдя к камину, потянула за блестящий набалдашник на той печной трубе, что собирала дым от костра, разжигаемого стариком, и здесь совершенно неожиданно отворился незаметный до этого проём. Сати, поднимаясь по лестнице, с удивлением оглядывалась, и ещё больше недоумевала. За её спиной в бочке догорали вещи, не поместившиеся в камин, плавно по комнате скользила Пава, прибирая книги и коробки, дым уходил вертикально вверх, и дрожащий от жара воздух отделял всё это словно незримой стеной. Наверху послышался шум, и из раскрытой Чаяной двери пахло кошками и жареной картошкой. Сати поспешила за женщиной и как только дверь захлопнулась, Сати обнаружила, что они очутились в подъезде какого-то дома, и дверь ничем не отличается от трёх других таких же, крашенных коричневой краской.

– Где мы? – Сати оглядела лестничную клетку.

– В этом странном мире людей. – хохотнула Чаяна, поправила высокий воротник накидки и пригласила Сати идти следом.

Вьюжное ненастье слегка успокоилось, снежные покровы, лишь изредка кое-где вздрагивая, сонно тянулись за прогуливающимся ветром. Выбравшись из темноты дворов, спутницы пересекли мост над спящей под ледяными оковами рекой и вышли на пустую набережную.

– Станный дом у вас. – заметила Сати, хотя тут же подумала, что её место обитания мало чем отличается от увиденных.

– Нормальный. – пожав плечами, проговорила Чаяна. – Дедушка иногда чудит, но в основном он такой же милый как сегодня.

– А. – отозвалась Сати и поглубже вдохнула морозную свежесть ночного воздуха, пытаюсь выветрить изнутри привкус гадкого чая.

Всё пространство вокруг хрустело морозом, с железного полотна крыш откосом слетал снежный шлейф, срываясь под ступнями торопящегося ветра, плотно укрывал следы дневной суетности, было тихо, и эхом отдавались только спешные шаги Сати и её новой знакомой.

– Аптека далеко? – Сати хотела побыстрее избавиться от навязанного общения и уже готова была просто сбежать. – Что случилось? – Сати увидела, как напряжённо Чаяна всматривается в пустоту переулков, упирающихся в набережную.

– Показалось, что кто-то идёт за нами. – Чаяна повернулась к Сати. – Аптека за тем поворотом, – потыкала она пальцем вперёд.

Девушки пошли дальше, ветер, играя снежной завесой, брёл за ними, укрывая их от постороннего взгляда. И со стороны казалось, что они словно парили в пространстве, пересекая рубежи многомерности мира.

– Ах, какая неудача, – воскликнула Чаяна, когда они подошли к закрытым дверям лавки с лекарствами. – Странно, раньше они работали круглосуточно. – женщина задумалась на мгновение. – Пойдёмте, у меня на работе целая аптечка есть. – Но увидев испуг на лице Сати, рассмеялась. – Всё только от официальных фармацевтов. Пойдёмте, не бойтесь.

– Не уверена, что у меня есть время, – Сати отступила на шаг назад, – я всё-таки пойду и спасибо вам за всё.

– Здесь совсем недалеко. – Чаяна цепко взяла девушку за руку. – Посмотрите на свою ладонь. – серьёзно сказала она.

Сати раскрыла успокоившуюся руку и на секунду даже перестала дышать. Кожа в центре словно обуглилась, отваливалась рваными кусками, и сейчас Сати показалась, что ладонь её просто потихоньку тлеет.

– Не думаю, что вам стоит сейчас уходить. Пойдём со мной.

Девушка постояла несколько секунд в нерешительности, но потом решила довериться этой женщине, от которой веяло спокойствием, и всё время в её облике проскакивали кажущиеся знакомыми черты.

Пройдя ещё несколько улиц, они оказались недалеко от центральной площади города. Вечерняя иллюминация красиво оплетала светом стены домов, бросала лёгкие блики на вычищенный от снега булыжник дороги и если смотреть со стороны, то казалось, что на сердце города накинута лёгкая блестящая вуаль. Сати никогда не была в этой части города ночью, поэтому сейчас на секунду задержалась, восхищённо разглядывая игру света и тени. Но вдруг ей почему-то стало страшно. Глаза, привыкшие к полутьме, выделили высокую фигуру, заматанную в плащ с капюшоном, недвижимо стоявшую в переулке напротив.

– Сати, не задерживайся. – потрепала её по плечу Чайна. – Мы уже почти пришли. – женщина показала рукой в центр парка, где пряталась громада тёмного здания. – Я служу в театре. – Чайна проговорила последнее слово с очевидной нежностью. – Здесь настоящая жизнь.

– Не знала, что здесь есть театр.

– В каждом приличном городе есть театр. – фыркнула Чайна и поспешила вперёд по тропинке.

Сати на секунду оглянулась, но переулок уже был пуст. Когда они подошли к театру, тяжёлая дверь в боковом проходе отворилась с лёгким скрипом и пропустила девушек в долгожданное тепло принявшего их узкого коридора. Тёмное, густое безмолвие, казалось, не заметило Чайну, а на появление Сати оживилось голосом.

– Душечка, это с тобой?

Рассмеявшись, Чайна оглянулась на Сати.

– Люблю многообразие родной речи. Да, «это» со мной. Я ненадолго.

– Ох, и не спится вам. – топя слова в зевке, протянула им вслед обезличенная темнота.

Пустынное закулисье эхом дробило шаги, слышались перекаты вздохов, и многоголосное сопение выдавало человеческое присутствие. Внутреннее пространство дремало, но кто-то уже будил рассвет по-своему, ласкал пальцами клавиши забытого в переходах рояля, ронял смешение звуков и иногда что-то шептал, вторя мотиву.

– Мне кажется, что я когда-то здесь была. – еле слышно проговорила Сати, потому что где-то в глубине сознания всколыхнулось чувство, похожее на воспоминание.

– Это же театр, здесь все когда-то были. – Чайна остановила её прикосновением руки. – Погоди минуту, мне надо переодеться и сходим в подсобку за необходимым. Подожди меня возле сцены.

– Хорошо. – пройдя вперёд, Сати вдруг зацепила рукавом торчащую яблоневою ветвь. Розово-белый перелив цвета высветил блеск прожектора, который включили где-то вверху, и он преломился в узкий луч, пробившись сюда через преграды. Сати остановилась и долго, словно завороченная, смотрела на пластмассовые яблоки и тёмные бумажные листья. – Я точно была здесь. – внутри вдруг заплясал какой-то незнакомый доселе восторг, но когда Сати протянула руку и погладила бумажные лепестки, она почувствовала появившуюся неясную грусть, резко оборванную хриплым криком:

– Ну аккуратнее там, что ли.

Яблоня задрожала, дёрнулась всей листвой, всем бутафорским цветением потянулась к Сати, потом истошно зашелестела, протискиваясь под перилами мостка и созвучно скрипу тележки, на которой лежала, стала удаляться, печально раскачиваясь из стороны в сторону. Так же растворились и первые крохи непроявившихся воспоминаний.

– Слышь, ты мне все декорации обдерёшь. – другой окрик положил начало не только привычной, но даже обязательной и ни к чему не обязывающей перепалке, и из головы Сати окончательно выветрились зарождавшиеся чувства.

– Вы словно призрака увидели. – тихий голос Чайны вернул Сати в пробуждающуюся реальность.

– Возможно. – Сати очнулась. – Иногда прошлая жизнь – самый настоящий призрак. Куда дальше?

Очередная сцена мира из декораций преградила им путь. Пенопласт лгал, что он камень, оконная рама дрожала полосками бумаги от сквозняка. Чайна поднялась на помост и открыла бутафорскую дверь, при этом поманив за собой Сати.

– Я только заберу лекарства и сразу пойду, хорошо? Мне уже пора. – Сати вдруг стало странно весело. – А здорово здесь у вас. Мне словно легче дышится.

– Это Зов Проводника, – пробурчала Чайна.

– Какой зов? – Сати вскинула на неё удивлённый взгляд.

– Вам послышалось. – Чайна скользнула за красную плотную занавесь. – Нам сюда.

Сати обнаружила каменную лестницу, которая вела куда-то наверх. Дорогу им освещал только слабый свет редких лампочек, неряшливо подвешенных к провисшей проводке.

– Нет, нет нам сюда, – откуда-то сбоку возник голос спутницы, когда Сати повернула не в ту сторону.

Девушка развернулась, сделала шаг, и её поглотила тьма. Чайна взяла Сати за пальцы и стала продвигаться вперёд, предупредив, чтобы та ступала как можно тише. Сати показалось, что они идут бесконечно долго, и ей уже совсем не нравилась эта затея, но вдруг мгла начала менять цвет. Сначала Сати подумала, что от крошечной темноты перед глазами мерцают звёздочки, но это были лишь предвестники света. Молочно-белое покрывало странного свечения понемногу смешивалось с окружающей чернотой. Неожиданно на их пути возникло туманное дрожанье. Сати опустила глаза и увидела под ногами камни, из-под которых словно лился свет. Камнями, как ковром, была устлана целая площадка. Сати подняла глаза и удивилась, увидев ярко светящуюся овальную белую раму, увитую вензелями, а внутри неё парившее в пустоте зеркало так, что красивая оплётка была не более чем украшением, и они просто существовали отдельно друг от друга. Сати взглядела в зеркало, но оно не имело отражения того, что было перед ним, хотя между Сати и зеркалом стоял стул, с высокой резной спинкой, которая скрывала сидящую на нём фигуру.

По обе стороны спинки стула виднелись шелестящие, как прозрачные крылья стрекозы, многослойные юбки и вдруг, как будто отдельная от скрытого тела, рука, затаенная в тёмную перчатку, появилась справа от спинки стула. Рука изогнулась назад, поползла пальцами по белому дереву спинки и успокоилась, уцепившись за резьбу. В этот момент Чайна подтолкнула Сати вперёд на камни, источающие свет, и какое-то время Сати беспокойно разглядывала это странное явление, а потом повернулась к Чайне, но её провожатой там уже не оказалось. Сати обернулась обратно в поисках ответа и похолодела оттого, что натолкнулась на лицо, вдруг возникшее перед ней из-за спинки стула. Сати вскрикнула, отчего бледный лик под чёрной ажурной полумаской поморщился. Девушка увидела перед собой странную и нереальную личность. На тонкой длинной шее была треугольная голова, и почти овальное, словно приклеенное лицо, обрамленное серым газовым шарфом. Фигура даже не пошевелилась, а вот шея, увитая множеством тонких цепочек, на мгновение изогнулась подобно змее, ловко отвела назад треугольную голову, и Сати увидела, что между ними добрых полтора метра. При всём этом маскараде перевоплощений, вопрос странной фигуры, обращённый к Чайне, застывшей неподалёку, был более, чем будничным:

– Чего надо?

Чайна поставила звякнувший склянками саквояж на пол.

– Обряд перехода.

Треугольная голова стала делать какие-то странные кивающие движения и снова приблизилась к Сати.

– А чем это от неё пахнет? Гадость какая-то. – казалось, все части тела фигуры действуют самостоятельно, потому что после этих слов появилась рука, приложившая платок к носу фигуры. – Ой, да убери ты, – раздражённо обронила фигура. – Я спрашиваю, пахнет чем?

– Её ранили. – Чайна напряжённо вглядывалась в лицо фигуры.

– Прекрасно. – произнесла фигура, раскатисто раскрывая рычащим звуком слово. – Ты что обалдела? Какой обряд? – фигура вздохнула. – Идите отсюда. Тоже мне, выскочки-самоучки. Чё сюда-то полезла, сразу бы вела. – сетовала голова, а совершенно сбитая с толку Сати не могла проронить и звука.

– Срочно надо было. – выудив одну из банок, Чайна протянула её на раскрытой ладони.

Услужливая рука вытянулась вперёд на добрый метр, цопнула с раскрытой ладони Чайны банку и поднесла к лицу фигуры.

– Подкуп? – шея перенесла голову к Чайне.

– Подарок. – Чайна, почтительно поклонилась.

– Врёшь. – фигура вздохнула и выпустила неизвестно откуда взявшийся дым из ноздрей, а вторая рука сразу же поднесла к щели рта, не прикрытого маской, изогнутую трубку. – Ладно, бестолочи, уговорили. Одно ведь дело делаем. – проговорила фигура, обращаясь то ли к Чайне, то ли к руке. – Обряд, обряд. – задумчиво протянула она. – Вот чем-то ещё от неё воняет. – Рука почесала голову. – Не могу понять. Смердит прямо.

– Вы позволите передать вам некоторые свои мысли. Наедине. – Чайна подняла на фигуру встревоженный взгляд.

– Ты подумай, а я послушаю. – вздохнуло существо. – Да ладно?! – было ощущение, что глаза её округлились. – Что ж сразу-то не сказала, неразумное ты существо женского пола.

Вдруг тишину нарушил какой-то дробный звук, и Сати показалось, что это стучит её перепуганное сердце, но тишину нарушил кто-то извне. Едва заметное шевеление стало собирать разрозненные части странной фигуры в единое целое, и фигура откликнулась на стук очаровательным женским сопрано.

– Войдите.

Хлынувшее дыхание света, от растворенной двери оживило темноту картинкой гримёрки, заваленной цветами, безделушками, костюмами. Странная фигура менялась на глазах и вдруг обернулась, тряхнула тёмными кудрями и оглянулась на вошедшего.

– Милочка, богиня вы наша, скоро ваш выход. – высокий, юркий манерами человек улыбался у входа.

– Ох, заболталась я. Дебютантка. – отозвалось перевоплощение, указывая на Сати. – Три минуты, и я иду покорять публику.

На Сати уже смотрело лицо, которое она часто видела на афишах.

– Я всегда думала, что вы оперная певица. – ляпнула Сати свои мысли вслух. Ничего более дельного в опустевшую от ужаса и неизвестности голову девушки не приходило.

– Одно другому не мешает. – ответила та, что на афишах значилась как Диана Княгинская – Королева Оперы, – Татьяна, – зычно прокатила она чьё-то имя. – Татьяна, мне на выход пора! Вам тоже, – она кивнула на дверь. – Долго добирались. Будет тебе обряд. – Она на секунду замерла, глядя Чайне в глаза. – Если вовремя придёте.

Гримёрка уже жила другой жизнью, а Чайна утягивала Сати на выход, пока последняя тщетно пыталась понять, как за полчаса сонное утро превратилось в буйство вечернего театрального представления.

Глава 2

Неприметная дверка в торце здания, где располагался театр, приоткрылась, оттуда на улицу вышли две женщины и дойдя до освещённого места, остановились. Очутившись на улице, Сати вдохнула подсыревший к вечеру воздух исхода зимы.

– Чайна, скажите мне честно, я не в себе?

– Как раз наоборот, ты возвращаешься. Пойдём, надо восстановить силы.

У Сати не было сил сопротивляться, к горлу подступил комок липкой тошноты и голода, и она поплелась следом за своей спутницей.

Вечер скомкался странным чувством ожидания, провёл измученных компаньенок по слякотным проспектам и нашёл им приют в бистро на французский манер.

– Нам сюда. – Чайна кивнула на ступеньки, катящиеся вниз.

Внутри играла мелодичная музыка, было несколько шумно, воздушные массы носили ароматы корицы и ванили и найти свободное место оказалось не так просто.

– Прошу сюда, – возле них вдруг материализовался официант и показал на пустующие места в самом углу зала.

Чайна быстро накидала заказ, даже не советуясь с Сати, и устало вздохнула, вытянув ноги.

– Что ж, теперь остаётся только ждать. – коротко сказала она.

– Ждать чего? Мне бы всё-таки хотелось понять, где мы сейчас были? Вы явно знаете обо мне больше, чем я о вас. – Сати с благодарностью посмотрела на официанта, поставившего перед ней стакан воды.

– Ты можешь просто выдохнуть? – устало произнесла Чайна. – Поедём, потом поговорим.

На мгновенье жизнь, слоняющаяся в этом бистро от столика к столику хмельной походкой, нескромными взглядами, прокуренными голосами, показалась Сати прекрасной, а обыденность разгула стала островком спокойствия. Ей почему-то даже стало спокойнее от того, что Чайна ничего не ответила, после всего пережитого девушка не была уверена, что готова к скорым новостям о своей прежней жизни. А теперь она была почти уверена, что её встреча с Чайной и все происходящие перипетии отнюдь не случайны. Сейчас ей захотелось вернуться в свой уютный мир на набережной, затопить печь и смотреть, как волны ломают тонкий весенний лёд. За прошедшее время она так привыкла к своему новому дому, что временами ловила себя на мысли, что не хочет, чтобы её кто-то нашёл и рассказал о том, как она жила до того, как поселилась возле порта.

Сати вернулась из лабиринта мыслей, увидела, что на столе уже стоит графин с вином, а на дощатой тарелке лежат куски ароматного жареного мяса, потом появилась корзинка с пухлыми круассанами и тарелка с рубленным холодцом.

– Попробуй, это заячий зельц. Вкусно так, что полжизни отдать можно. – Чайна увлеклась содержимым своей тарелки, но потом резко вскинула голову, глянула по сторонам и наполнила пустые бокалы вином. – Ну, за встречу, – улыбнулась она.

– Скорее за знакомство, – отозвалась Сати и, пригубив вино, почувствовала, как терпкий напиток приятно прокатился по нёбу и растёкся на множество оттенков вкуса.

Сати усмехнулась тому, что с того момента, как несколько месяцев назад её нашёл Анти-квар, она ни разу не пила алкоголь, хотя до этого у неё не было особо много поводов. Вдруг она почувствовала, как капелька грусти поползла по щеке, и Сати поняла, что даже не заметила, как заплакала. Это она тоже делала впервые.

– Тебе плохо? – спросила Чайна.

– Я не знаю, как мне бывает хорошо, а как плохо. Скажи мне, не мучь, где мы были сейчас?

Вдруг сбоку к их столику резко спикировала тень, Сати медленно повернула голову и увидела, что над ней нависает мужчина с каким-то хищным взглядом.

– Я подсяду? – он бесцеремонно отодвинул стул. – Такие красивые и одинокие барышни. Я могу угостить вас?

Сати вдруг поняла, что на этом человеке маска вместо лица. В одну секунду ей стало очень плохо, внутри больно рвало желудок, затылок раздирала боль, и Сати закричала:

– Нет! – она почувствовала зловонное удушье, идущее от него. – Встаньте немедленно!

Сати вскочила и впиалась в плечо человека так, что он взвыл, девушка молча смотрела в пустые безжизненные глаза мужчины, стоящего напротив, и понимала, что даже не может ослабить хватку. Жизнь в бистро замерла, люди смотрели на эту короткую схватку, а один из официантов медленно приближался к ним.

– Пусти. – вдруг повелительно сказала Чайна. – Теперь они сами.

С трудом оторвав руку Сати от шатающего мужика, Чайна чуть ли не бегом пошла к выходу, ни на секунду не отпуская девушку. Сырой ветер облизал лицо Сати, когда Чайна вытолкала её на улицу. Сати шатаясь стояла, не в силах сделать хотя бы один шаг. Чтобы удержаться на месте, она схватилась за водосточную трубу, но всё-таки начала падать, так как земля плясала под ногами, в сумерках ей мерещились чьи-то лица, и мир кружился во всех плоскостях. Сати съехала по стенке дома и уселась прямо на размокший снег.

– Как ты? – прохладная ладонь её новой знакомой опустилась на разгорячённый лоб, и Сати стало нестерпимо стыдно за своё поведение. Неужели она могла такое натворить, выпив всего лишь бокал вина?

– Прости, – зубы выбивали чечётку, а озноб тряс её бедное тело, – прости, я не доставлю больше хлопот. Иди, я дальше сама.

– Что ты, – Чайна подставила ей под нос склянку из своей коллекции, – ты сделала большое дело. Одной пиявкой стало меньше.

– Какой пиявкой? – Сати почувствовала острый приступ тошноты и свалилась лицом прямо в перемешанный с грязью мёрзлый снег.

Отдышавшись, Сати увидела, как из подворотни выплыла какая-то сутулая жердь, отдалённо почему-то напоминающая Ерофея.

– Помогите мне, – тихо сказала Чайна странному силуэту, – тяжело ей совсем.

– Куда доставить? – проскрипела тень.

– К проходу. – неопределённо ответила женщина.

Сати почувствовала, как сильные руки подхватили её скрученное веретённой болью тело, и потоки холодного воздуха стали омыwać горящее лицо. Рука девушки безвольно соскользнула, и от взгляда Чайны не укрылась расцветающая чернота посреди ладони.

– Ох, не успеем, что же я наделала. – сетовала она, ускоряя шаги.

– Не скули, уже пришли почти. Дальше сами. Я эту старую каргу терпеть не могу.

Сати вдруг почувствовала землю под непослушными ногами, и мир вернулся в прежнюю вертикаль.

– Ой, на себе посмотри, молодец-красавец, – донеслось откуда-то сбоку.

Сати, показался знакомым переулок, где они очутились, она пригляделась и обнаружила открытую дверь трансформаторной будки, именно оттуда шёл голос и их манила рукой, тряся буглями под белым чепцом, пожилая женщина.

– Ну, давайте уже быстрее, не лето чай. – прошипела она. – Чё она у вас грязная-то такая? – брезгливо отскочила старушка, когда Сати приблизилась. – Вы её что волоком тащили?

– Почти, – усмехнулась Чайна. – Дай ей одежду чистую и умыться. – повелительно сказала она и скрылась в глубине большого помещения, куда они пришли.

Старуха с буклями вздохнула, поморщилась и, ещё раз глянув на Сати, потыкала пальцем в направлении маленькой раковины.

– Иди рожу сначала вымой свою, – она открыла у стены большой сундук и стала что-то искать там. – Тщательно мой, чтобы полотенце о тебя не испачкать.

– Ты как разговариваешь? – хлёстко спросила Чайана, появляясь в комнате.

– Ой, ну прости, прости. – засемила бабулька к Сати с чистым куском ткани. – Ну не злись, Чайнушка, вон иди чаю попей.

– Отравишь ещё, знаю я твой чай.

– Ну что ты такое говоришь, – старуха обиженно надула губы.

– Что знаю, то и говорю. Давайте быстрее. – выдохнула Чайана и тяжело опустилась на стул. – И начинай поскорее проход открывать.

– Ой, так это что ж, она? – старуха всплеснула руками.

– А ты вот не поняла? Хватит дурочку из себя строить, за дело берись.

– Чего же ты сразу-то не сказала?

– Извини, отчитаться перед тобой забыла. Знаешь ли, после того как твоя драгоценная доченька всю эту кутерьму устроила, у меня совсем не остаётся времени на светские беседы. – уперев руки в бока, говорила Чайана.

– Ой, ладно, не ворчи. – отмахнулась старуха и, подскочив к противоположной от входа стене, погладила неровную поверхность. – Стеночку попорчу, некрасиво будет. – посетовала она.

– Старая, ты ополоумела совсем? – Чайана, раздувая ноздри, шикнула на неё. – Принимайся за работу, рассуждает ещё она о красоте бытия.

Сати, слушая эту перепалку, приходила в себя, подставляя лицо под струи тёплой воды. Сейчас она твёрдо решила уйти из этого странного места, как только сможет стоять на ногах, не держась за раковину. Если эти люди знают кто она, то значит ей нечего здесь делать, ведь более странного общества она не могла себе представить даже в кошмаре.

– Ты как? – мягко пронеслось над ухом.

– Плохо. Мне очень плохо, и я пошла домой. – Сати повернулась к стоявшей рядом Чайане.

– Мы уже близко, не волнуйся.

– Я не волнуюсь, я в шоке от того, что происходит. Я ухожу. – медленно расставляя слова, сказала девушка.

– Давай быстрее. – отходя от Сати, еле слышно проронила Чайана.

Сати заметила, как старая женщина сыпет сухие травы в чугунный горшок, льёт туда исходящую паром струю кипятка из чайника и бубнит странные слова. Вдруг, подскочив к Сати, старуха с силой сунула в обжигающую жидкость руку девушки, и Сати, взыв от боли, стала проваливаться в беспамятство.

– Предупреждать надо, – Чайана, еле успев подхватить падающую Сати, постучала себя по голове и посмотрела на бабушку. – Совсем ку-ку?

– Не до сантиментов, – проговорила вдруг осмелевшая старуха и выплеснула на стену содержимое из чугуна. – По щекам ей пошлёпай, что ли, нет времени валяться.

В том месте, куда попал отвар, бетон стал крошиться, шипеть и слезать со стены, Чайана несильно похлопала Сати по лицу и, когда последняя открыла глаза, вдруг затянула песню высоким неприятным голосом. Сати поморщилась, потирая ушибленный об угол стола локоть, и вдруг замерла, ей почему-то показался мотив отдалённо знакомым, и сразу же реальность девушки снова поплыла, смешиваясь с мелодией слов, связанных голосом певицы. Воздух становился плотным, гулким, мелодия стала обретать очертания, и Сати, окончательно придя в себя, просто стояла и смотрела на Чайану.

Старуха поскребла ногтями, оставшуюся цементную поверхность, покусала нижнюю губу и с досады стукнула кулаком по истончённой стене. От удара её кулака посыпалась крошка, и

кусок вертикальной поверхности провалился в потревоженную, недвижимую пустоту. Чайна подошла ближе, просунула руку в проём и отрицательно покачала головой:

– Не получилось.

– погоди, не дрейфь. времени то сколько прошло, подстыло маленько.

Бабулька, обшарив помещение глазами, резво подскочила к лопате, стоявшей у железного стола. перехватив древко покрепче, старуха в чепце широко расставила ноги, покачалась в этом боевом шаге и, замахнувшись из-за спины, плашмя приложила штыком лопаты по выщербленной поверхности. Развалившись выбитая цементная пыль посыпалась на землю, съехал пласт бетонного покрытия, и обнажился кусок кирпичной кладки.

Сати временами вдруг снова стала проваливаться сознанием, словно увязая в дребезжащем голосе и высоких нотах, девушка мутным взглядом смотрела на этот театр абсурда, но внезапно против своей воли пошла к образовавшейся прорехе в стене. Когда Сати приблизилась, руки её, словно существовавшие сами по себе, отодвинули кряхтящую старуху, легли ладонями на оскаливавшуюся кладку старых кирпичей, послышался лязг скрытого внутреннего механизма, и кладка стала разъезжаться в стороны. За этими странными воротами, в которые превратилась стена, открылся тоннель, выложенный окрашенными временем и тёмной слизью, камнями. Даже в этот морозный день, проход, который скрывало под собой старое здание, чавкал застоявшейся жижой, и удушливая вонь, идущая от мёртвой воды, немного развеялась, смешавшись с проникшими струйками свежего воздуха. Старуха подскочила к входной двери и, открыв её настежь, выпустила зловонный дух наружу.

– Ты что делаешь? – зашипела Чайна.

– Проветрить хочу. Аж глаза щиплет. – заныла старуха, отирая снятым чепцом взмокшее от работы лицо.

– А когда ты из своей помойки вылезала, у тебя ничего не щипало? И придурочную свою вытаскивала вслед за собой. – Чайна с силой захлопнула дверь.

Лампочка, сиротливо болтающаяся под потолком, вдруг судорожно икнула светом, погасла на мгновение, натужено снова попыталась озарить пространство, но лишь сверкнула сизой искрой и с жужжащим звуком умолкла навсегда.

– фонарик зажги, – шёпотом проговорила Чайна застывшей старухе.

– А чево это? – осторожно спросила та, шаря по столу в полной темноте руками.

– Тово это, – передразнила её Чайна, – Проводник приближается.

Наконец широкий язык света от фонаря осветил проход, и послушная, снова затянута Чайной песне, Сати побрела по щиколотку в мутной и тепловатой воде. Подошвы босых ног скользили по нанесённому временем илистому ковру, прикосновение которого отдавалось омерзительным содроганием во всём теле. Со всех сторон слышались странные звуки, но для девушки всё вокруг дышало безмолвием, её стало тошнить от запаха гнилой воды, она пыталась спрятать лицо в ладонях, понимала, что она уже почти задохнулась, но вдруг всё отступило на задний план. Подняв глаза, она отшатнулась, ей показалось, что стены, испещрённые символами, двигаются. Каменные своды сменили изобилующие значками поверхности, и надписи казались ей смутно знакомыми. Чайна шла впереди, пела всё громче, бабка поддерживала еле передвигающую ноги Сати и замыкала процессию. Сати вдруг резко остановилась, старуха споткнулась о неё, рухнула на колени в воду и недовольно зашипела, отплёвываясь и вставая:

– Да что ж такое творится? – досадливо буркнула она, но вдруг замолкла и, сделав шаг в сторону, пропала в темноте.

– Что случилось? – Чайна обернулась и увидела, как побледнело лицо Сати.

– Мы на месте, – посиневшими губами проговорила девушка.

– Можно войти? – снова в темноту спросила старуха и, видимо, получила утвердительный ответ, потому что кивнула, призывая женщин следовать за ней.

Ступенька наверх и болотистая масса осталась внизу. Лёгкие искорки бледного света стелились под ногами, и Сати вновь увидела камни, источающие неясное сияние. Дышать сразу стало легче и ей показалось, что они попали в какой-то сказочный грот. Стены ступенчато уходили вверх и терялись в клубившемся сером тумане, огромные влажные плиты расходились из центра грота, где плескалась тёмная вода подземного озера. Сати шумно вдыхала свежий воздух, пытаясь избавиться от той вони, что шлейфом стелилась за ними. Как только на секунду её сознание прояснилось, она согнулась от приступа, судорогой ломавшего пораненную руку. Еле сдерживая крик, девушка осела на пол и только мычала, мечась в агонии.

– Ладно, времени мало. Давайте начинать. – из темноты послышался тихий недовольный голос. – А, и ты здесь, старая гнилушка.

– И тебе здравствуй. Ты б хоть на свет вышла, что ли. – недовольно пробурчала старуха.

От стены отделилась фигура, которую недавно Сати с Чайной повстречали в театре. На этот раз Диана полностью прятала своё лицо вуалью.

– Ой, милая, – обратилась Диана к Чайне, – дай уже связкам своим отдохнуть. Кто тебе петь вообще разрешил? Чего ж вы девку не уберегли?! – она остановила ответ движением руки. – Это был риторический вопрос. Вы и так обстоятельно и неотвратно притащили меня на мой собственный эшафот. Давай торопиться, беспокойно мне. – Проводник повернулась к мечущейся Сати. – Да помогите вы ей подняться, клуши.

Старуха с Чайной спохватились и поставили на ноги корчащуюся от боли девушку. Быстро щёлкая языком, Диана приблизилась к Сати, резко выставила руку ладонью вперёд и упёрла её Сати в лоб. Непроизвольно голова девушки откинулась назад, и она провалилась в беспамятство. Проводник, открыв рот, стала издавать странные стрекочущие звуки, резко схватила Сати за плечо второй рукой. Из рта Проводника стал вырываться дым и искры, стрекочущий звук перешёл в низкий гортанный рёв, но Сати уже не видела и не слышала этого, у неё перед глазами окружающая реальность металась лавандовыми пятнами, зов Проводника увлекал её за собой, и через секунду всё стало немного вязким, и она очнулась словно в мире призраков. Здесь среди деревьев слонялись тени. Она увидела себя, идущей по узким извилистым дорожкам старого неухоженного парка, где ветер таскал за собой засохшую листву. Ночь вдруг взволнованно задышала туманом, и всё вокруг заволокло серой пеленой. Сати на мгновение остановилась возле корявого дерева с раскидистой низкой кроной. Вязкий туман клочьями висел вперемешку с паутиной на скрюченных ветвях, и Сати показалось, что кто-то вздохнул. Девушка вздрогнула и отступила, но неловко зацепилась за выпирающие корни дерева и падая навзничь, больно ударилась о землю. Поднимаясь, она пыталась отряхнуть липкую почву, и вдруг взгляд её остановился на открывшейся посреди блёклой завесы поляне. Сати увидела словно увитую белыми покрывалами фигуру, отдалённо похожую на человеческую. Существо стояло на одном колене, распростав руки-крылья в разные стороны, как будто застыло в каком-то странном танцевальном па. Сати стояла, не в силах пошевелиться, только заморожено смотрела на это явление, блестящее в чистом свете проглянувшей луны. Вдруг неестественно большая голова повернулась к ней, и Сати отпрянула. Морозными иголками ужас пробрался под кожу, и не оттого, что вытянутая голова была без какого-либо подобия лица или морды, а от той внутренней дурной силы, волной накатившей на девушку. Представшее перед ней создание, не шевелясь смотрело на неё пустыми глазницами.

– Беги! – где-то в глубине сознания скованного гипнозом Проводника пронёсся спасительный, но знакомый голос, который произнёс только одно слово.

Ужас, обуявший Сати, оттолкнул её от Дианы, она ступила назад, упала на четвереньки в грязную воду. Вырвавшись из скользкого месива вонючей жижи, Сати побежала. Мышцы ног почти онемели, стараясь удержать равновесие. Тоннель пошёл разветвлениями, и бежавшая не разбирая дороги Сати на одном из поворотов поскользнулась и упала в проход. Гнилая вода залилась в открытый рот и ослепила на мгновение девушку, захлестнув глаза корич-

невой грязью. Отплёвываясь, Сати поднялась и побежала дальше. Она уносилась прочь от страшного видения до тех пор, пока не уткнулась в стену, вертикально идущую вверх. Оглядываясь и шаря бешеным взглядом по пространству за спиной, девушка пыталась понять, как ей вырваться из этой подземной ловушки. Сердце стучало в висках, она бессильно прижалась спиной к стене и почти сползла на пол. Подняв голову вверх, Сати увидела спасительную высь – квадратный проём открывал кусок мятущегося тучного неба. На тёмном фоне в лучах фонаря поблёскивали ступени-скобы, вбитые в каменную поверхность. Девушка, собрав последние силы, привстала на возвышение в основание стены, пальцами вцепилась в неровности поверхности и подтянувшись смогла ухватиться за эти скобы. Безумный, необъяснимый страх помог быстро преодолеть отрезок пути наружу, и вскоре она высунула голову в шаманскую пляску бури, разыгравшейся этой ночью.

Ветер сплошной пеленой тянул белое полотно снежного безумия. Ураган бросал гибкое тело на землю и спиралями, поднимал залежи, которые нанёс ночной снегопад. Чуть поодаль Сати рассмотрела лежавшие в высоте домов отсветы от окон, но и те постепенно угасали, отступая в глухую мглу под напором грозного зверя-шторма. Сати выбралась на крышу, где её мокрое тело тут же сковал ледяной поток воздуха. Тлен холода от пальцев босых ног Сати, поднимался выше, разбегаясь бесчувствием погибающей от мороза плоти. Крупным лезвием льдинок кожу резал ветер, делал ненужным и тяжёлым кусок ткани, в который она была заматана. Сати всё ещё висела на скобах-ступенях, не в силах оторваться от них. Девушка пыталась оглядеться, но дрожь, предательски бьющая изнутри, не давала скользящим рукам даже перехватить разгорячённую ледяным огнём рифлёную арматуру, которая служила ей опорой. Вдруг её осенило, что она на крыше соседнего от её жилища склада. Она не могла понять, как ей спастись, и пока только чувствовала, что уже не гнёт, а ломает свои руки, пытаясь ближе притянуть разбитое тело в зону безветрия, которую создавал маленький отступ стены, к которому крепилась спасшая её лестница. В надежде разжать пальцы, скованные холодным обручем, Сати дышала на них, но подтаявший снег, мгновенно припаивал к железу пальцы. Лёгкие отдавали частичку драгоценного тепла изнутри, но посиневшие кисти рук даже не чувствовали этого. А жестянка крыши всё гремела, принимая полчища ледяных всадников-снежинок. И под этот мерный рокот Сати провалилась в чёрную дыру беспомощности.

Сухой кашель иглами выстилал себе дорогу наружу, содрал сон, вырываясь из грудной клетки, поднял непослушное тело. Отдышавшись, Сати оглядела незнакомое пространство. Страх растворился в успокоении от вида знакомых занавесок. Значит, дома. Значит, всё это был сон.

«Неизвестность всё-таки познакомит меня с психиатром», – постукала мысль лёгким пёрышком иронии по влажному лбу.

Мерзкая сырость, в которой проснулась Сати, тянучкой клеила ткань футболки к разгорячённому телу. Язык беспомощно шарил по высохшему нёбу, а взгляд метался в поисках прикроватного столика, на котором всегда стояла вода. Незнакомый дробный звук выбивал дробь, Сати пыталась выяснить, откуда идёт звук, но судорога, сводившая её тело, не давала расслабиться ни на секунду. Поняв, что стучат её зубы, Сати непослушными руками попыталась укрыться от холода влажным от пота одеялом. Забыть, забравшее её прошлой ночью, снова мазало веки тяжёлым сном, и Сати погружалась в клокочущую видениями пучину. Сны огрызались страхами, шатали мятущееся тело. Безликими фигурами кошмары стояли вокруг кровати, выкручивали руки, тянули за собой. Её крик распугал ночные переживания, в прореху от открытой двери упал луч света из соседней комнаты и к ней кто-то вошёл. Слово видение подошла, склонилась над ней женщина, покачала головой. Минуту спустя, вокруг больной вились фимиамы от раскрошенных в труху трав, разгоняя миазмы тяжёлой болезни. Влажной тряпичей, с терпким запахом тимьяна, замешанном в спирте, женщина впитала влагу со лба Сати. Чарующие движения знахарки успокаивали тьму, цепкие лапки судороги понемногу, с

сожалением отпускали жертву. Бледный рассвет просыпался вместе с курениями благовоний. По-кукольному послушное тело Сати позволило разоблачить себя от отягощённых болезненным смрадом одежд, омыть себя. Женщина уложила Сати в свежее, как первое весеннее утро, бельё. Оставила рядом с кроватью тлеющие угольки в глиняном горшке. Курения стелились струйкой аромата по расслабленному, безмятежному лицу девушки, завершая ритуал врачевания.

Мартовская капля слизывает сосульку, примостившуюся на козырьке крыши над мансардным окном и постепенно уносит с собой ледяные частички, разбиваясь о ржавый гвоздь, который вылез погреться из жестяного откоса нижнего этажа. Ресницы затрепетали, запутавшись в тепле молодого солнца, сонная нега постепенно ускользнула, подгоняемая ветерком, залетавшим в форточку. Сати открыла глаза.

Девушка находилась в странном, словно лишённом объёма, жилище. Плоскость комнаты вырисовалась одинаковым цветом вытянутой по периметру мебели. Занавески были знакомые, всё остальное отгаликивало. Не принимал взгляд чуждую среду обитания. Сати присела, и похулевшие ноги окунулись ступнями в тепло нагретого пола из неструганой доски. С трудом оторвавшись от низкой кровати, Сати прошла по комнате, увидела дверь в другое помещение и вспомнила, что именно в этом проёме ей привиделась какая-то женщина в том кошмарном сне. Минутное забвение угасло вместе с забежавшим за тучи солнцем, хлам эмоций, накопленный за несколько прошедших дней, тяжело уронил Сати на стул. Сати посмотрела на свои ладони, белевшие рубцами в том месте, где зияла чёрная пропасть нагноения и в точности вспомнила предыдущие события.

– Где же это я? – она сама испугалась звука своего хриплого голоса.

Перед окнами лежал знакомый пейзаж городских задворков, и сердце Сати радостно затрепетало оттого, что она совсем близко от ставшего ей родным места, куда её привёл Антиквар. Теперь осталось только добраться домой и ей обязательно помогут и Ерофей, и Матвейч, и ребята. Слабое тело плохо слушалось, пока Сати искала хоть какую-то одежду, кроме той пижамы, что была надета на неё сейчас. Возле топчана, где она спала, девушка нашла старый чемодан, внутри которого лежали весьма приличные тёмно-зелёные вельветовые брюки, свитер неясного цвета и куртка, искусно сшитая из коричневой кожи. Рядом также валялись её чёрные ботинки и большая сумка, с которой она не расставалась, даже когда участвовала в странном шествии с Чайной. Сати усмехнулась, пригрезившаяся ей женщина была похожа на её новую «подругу».

Дыхание девушки сбилось от быстрого спуска по лестнице, который пролегал сквозь нежилые этажи заброшенного здания. Голова закружилась от обилия свежего воздуха, который обнял Сати со всех сторон, когда она миновала сырую парадную. Но несмотря на тошноту и слабость, она быстро пошла по знакомому пути, предвкушая радость встречи со ставшими близкими ей людьми. Минувя последний поворот, Сати вышла на пятно набережной и резко остановилась. Чёрными руинами лежало ещё кое-где курившееся пожарище на том месте, где были склады. Сати пошатнулась и бессильно отступила на шаг назад, но сразу чуть ли не подпрыгнула оттого, что с ней кто-то заговорил.

– Уж две недели, как погорели. – мужчина, тряся поседевшей шевелюрой, стоял рядом с ней и тоже смотрел на последствие катастрофы. – Если ты поживиться пришла, то всё, что уцелело, уже растащили.

– Хоть не погиб никто? – бесцветным голосом глухо спросила она.

– Деточка, такой чад редко кого щадит. Пара ребятшек да начальник, Матвейч. Знала? Сати согласно покивала головой.

– Там вон всё началось, – он потыкал пальцем в сторону её пристанища, от которого осталась только валяющаяся внизу лестница. – Говорят, что дым полез чуть ли не из-под земли,

и сразу занялось пламя. Чудеса. Я-то, конечно, понимаю, что из-за страховки спалили. Кому эта рухлядь здесь нужна?

Мужчина махнул рукой то ли ей, то ли своим мыслям и пошёл прочь. Сати стояла совершенно опустошённая и не знала, куда ей пойти.

Сырой ветер рыскал по улицам, выметая из углов залежавшуюся зиму. Тряс голую черноту деревьев, подвывал, взмывая вверх, разгоняя по домам прохожих. Город пустел к надвигающемуся вечеру, пока Сати медленно брела в неизвестность. Сунув руки в карманы куртки, она нащупала мелочь и, купив стаканчик горячего кофе в киоске, присела на скамейку какого-то сквера.

Содержимое обширной сумки и составляло теперь весь её скарб. Разбитый, видимо, в разгар погони и негодный ни на что телефон, альбом с набросками, кошелек с несколькими купюрами, фонарик и ненужный теперь ключ от склада, а также мятые бумажки, которые в основном были старыми чеками. Чтобы чем-то занять руки, Сати перебирала листки, оглушённая последними известиями и событиями. Она заметила, что на одном из листиков написан адрес, и почерк был явно не её. Разгладив неровные края, девушка прочла текст.

– Адрес, просто адрес. – Сати скомкала записку и бросила её в недра сумки. – Как же я устала. Но делать нечего, схожу посмотрю, что меня ещё ждёт. – проговорила она слова вслух, подбадривая себя. – Хуже то уже не будет.

Почти выбившись из сил, вскоре девушка добралась до указанного дома и, походив внутри двора-колодца, не смогла найти нужный ей номер квартиры. За спиной скрипнула дверь, и Сати увидела вышедшую сухопарую даму с маленькой истошно вопящей собачкой.

– Простите, – Сати окликнула её. – Пойдите.

– Слушаю. – глаза женщины странно и холодно сверкнули, и собачонка забилась в ещё большем истерическом припадке лая.

– Я не могу найти квартиру, – Сати сказала номер, – не подскажите?

– Нет здесь такой. – коротко ответила неприветливая владелица пёсика и выжидательно воззрилась на Сати. – Всего хорошего.

– До свиданья. – Сати пожала плечами, отвернувшись и чудом избежала укуса вертлявой бестии на поводке. – Вы чудовище своё зубастое придержите.

– А она вообще чужих не любит. Это наш двор, вы здесь чужая. – всё больше распалялась хозяйка под стать псу.

– Что за шум? – из боковой двери вынырнула дворничиха в форменной одежде.

– Чужая какая-то ходит, вынюхивает что-то. – сразу же как-то отступила дама. – Я пойду, у меня времени нет. А квартиры такой здесь нет.

Сати после этого разговора почувствовала, что скоро последние силы оставят ослабленное болезнью тело, она готова была уйти, но мысль, что ночевать ей негде, вернула девушку назад.

– Мне нужна квартира номер 34. – она приблизилась к чинившей лопату дворничихе, черты которой почему-то показались ей знакомыми.

– Она нежилая, – отворачиваясь от Сати, проговорила собеседница, – это технический этаж, на лифт сядь в том подъезде и на последнюю кнопку жми.

Сати силилась вспомнить, откуда она знает её, но так и не смогла. Лишь когда уже зашла в лифт, она поняла, что это та самая старуха в буклях. Но как бы она ни жала на кнопку отмены, железная коробка уносила девушку вверх. Сати вздохнула, уловив запах, который отчётливо помнила: он преследовал девушку в той гонке по подземельям. Автоматическая створка отскочила, и Сати вышла в полутёмный коридор с одной-единственной решётчатой преградой, закрытой на глухой замок. Она потянула за увесистый запор, и дужка отскочила в сторону. Следуя за лучом фонарика, найденным в сумке, девушка добралась до входа. Сквозь прорехи швов потянуло воздухом с улицы. Войдя в пространство технического этажа, она огля-

делась, но не нашла ничего, кроме битых кирпичей, пыли и ломанных стульев. Сати побродила по помещению, глянула в коридор, ведущий к лифту, и поняла, что выход остался только один. Необструганные доски впились занозами в пальцы, когда она стала раскачивать доски, которыми был заколочен выход на крышу. Наконец вбитые на скорую руку гвозди ослабли, и визжащее дерево вырвалось из ослабшей хватки девушки. Сати упала навзничь, увлекая за собой деревянную заплатку, поставленную временно вместо сломанной двери. Разбитая губа оставила кровавый отпечаток на этом щите, пока Сати выбиралась из-под него. Стряхнув с себя обломки, Сати, перешагнула высокий порог и сразу же поняла, что именно здесь она замерзала на железной лестнице. Девушка не заметила лёгкое движение за спиной. Почти неразличимая в темноте бесформенная фигура неслышно скользнула к щиту и осторожно приблизила оскаленную морду, к кровавому пятну, вдыхая драгоценный аромат. Два горящих глаза скользили за девушкой почти у пола, как вдруг преследователь остановился, занервничал, бесшумной тенью провалился в открытое вентиляционное окно. И тут же на чердак ступила кошка.

Сати стояла, разглядывала серую кладку стены. В порыве ветра она уловила нотки мерзкого запаха. В размышлениях, куда идти дальше, Сати повернулась к дверному проёму, откуда только что вышла и удивлённо вскинула брови. Из темноты на неё смотрела кошка, тёмная спина её была взъерошена, морда топорщилась усами, а глаза сосредоточенно рассматривали Сати.

– Привет. – кивнула ей Сати.

Одарив надменным взглядом девушку, кошка потрогала лапой влажное железо крыши, тряхнула белыми носочками, помялась, но всё же спрыгнула с высокого порога, на котором сидела. Животное прошло мимо Сати, и, ступив на тонкий карниз, скрылась за стеной, разделяющей крышу на отсеки. Через мгновение, показав из-за угла недовольную морду, кошка посмотрела на Сати, словно спрашивая, идёт ли она.

– Отлично. – Сати оценила ширину карниза. – Идти за тобой?

Она подошла к краю крыши, уцепилась за торчащую из стены арматуру и посмотрела за угол. Кошка сидела на тонком карнизе, который крепился на стене, отвесно уходившей вниз. Сати опустила глаза на квадрат серого пустого двора, оглядела крышу, которая повторяла его очертания. Девушка ступила туда, держась за железную основу каких-то креплений, шаг за шагом она двигалась вперёд по хлипкому мостику.

– Я теперь точно знаю, что не была альпинистом. – дрожащим шёпотом произнесла Сати сама себе.

Сделав ещё шаг по карнизу, она посмотрела вниз и увидела прямо под собой на земле торчащие острые иглы ограды. Выдохнув, девушка остановилась, и на секунду прикрыла глаза.

– Если я поверну назад, я никогда больше сюда не вернусь. Я должна, теперь просто должна узнать, что происходит вокруг. Ну, Сати, смелее. – подбодрила сама себя девушка. Она открыла глаза и посмотрела на кошку, сидевшую в добрых пяти метрах от неё. – Иду я, иду.

Добравшись, наконец, до зияющей пропасти технического отверстия, откуда шёл знакомый отвратительный запах, Сати посмотрела в темноту проёма и увидела те самые скобы ступеней. Мутная взвесь воспоминаний того дня немного расступилась, теперь Сати точно знала, что выбралась она именно отсюда, и чуть поодаль плескалось море, то есть спасительное пристанище тоже было где-то здесь. Кошка, видимо, выполнив свою миссию, куда-то исчезла, а Сати, крепко ухватила первую ступень. Спускаясь вниз, она всё отчётливее чувствовала гущающееся зловоние. Пытаясь не дышать, она прятала нос в вороте свитера, взглядывалась в тёмную пустоту под ногами. Что-то мягкое стукнуло её по пальцам. Прямо перед глазами, в выбоине стены сидела прежняя кошка.

– Как же ты попала сюда? – задумчиво сказала Сати.

Игра в гляделки длилась недолго. Кошка встала и приплюсываясь стала приближаться к носу Сати. Обстоятельно обнюхав его и пару раз клюнув мордой, не издав ни единого звука, она вдруг вцепилась зубами в разбитую губу девушки. От неожиданности Сати отпрянула, крича от боли, одной рукой пыталась стряхнуть животное, другой удержаться на лесенке. Она ударила кошку по голове, пытаясь оторвать её от своего лица, но безуспешно. Кошка схватила Сати когтями за голову, продолжая кусать её, вдруг оторвавшись, наконец, от лица вцепилась девушке, в руку которой она держалась. Сати тут же разжала её и полетела вниз. Пролетев пару метров, она плашмя на спину упала на какую-то преграду-решётку, которой не было в прошлый раз. От удара она перекадилась набок, провалилась словно сквозь стену и шлёпнулась на холодное дно.

Бетонный пол впивался цементной крошкой в ладони, Сати огляделась, она была в той же трансформаторной будке, откуда начала свой путь по тоннелям. Девушка тихо повернула голову на идущие голоса. Покачиваясь в кресле, спиной к ней сидел Антиквар, курящий трубку. Втягивая дым, он наблюдал, как накаляются угли.

– Ты забыла про осторожность, Чайна. – Антиквар говорил глухим голосом.

– А что мне делать? Ждать ещё несколько веков, пока она сможет вернуться? – преобразившаяся Чайна, одетая по последней моде века настоящего, нервно ходила вокруг него. – Где гарантия, что мы найдём её в следующий раз вовремя. Сейчас все обстоятельства сложились как надо. Да и на складе её нашли почти сразу, она даже несколько месяцев не продержалась. Ерофей еле успел доехать, чтобы мы смогли Сати перехватить. Там крутился ночью один из приспешников Марты, он уже начиркал там свои письма. Сейчас перед входом сюда тоже выволочся какой-то миазм недобитый. Вот и скажи, что мне было делать? И ты опять испарился.

– А если у тебя ничего не получилось?

– Не суетитесь. – припечатала Сати словом бездумные хождения Чайны и тяжело поднялась с пола. – Голова как с похмелья. Свари-ка мне своего зелья, сестрёнка. – улыбнулась она застывшей Чайне. – Папа, здравствуй. У вас всё получилось на этот раз. Обряд перехода прошёл удачно. Ну и досталось же мне, ребята.

Сати наконец вернулась к своей памяти и вспомнила, что жизнь её началась за много веков до того, как Антиквар снова нашёл свою дочь.

Глава 3

Близкая весна снова отступила, и снежные вихри метались по всему видимому пространству, не было даже малейшего просвета, всё вокруг было покрашено в бело-серый цвет. Водитель такси, в котором ехала Сати, всё время ругался на переменчивую погоду, но девушка знала, что это не просто снежная буря, это её укрытие.

Обряд перехода вызвал слишком яркий взрыв энергий, и сейчас на этот свет словно мотыльки слетятся те, кому совсем необязательно было знать, что Сати вернулась. Поэтому Антиквар решил, что к месту, где можно было спокойно поговорить, он и дочери доберутся разными дорогами.

Водитель, поплутав в узких переулках казавшегося нежилым коттеджного посёлка, крепко выругался поскользнувшись и чуть не угодив машиной в близко стоящий забор и, кинув взгляд на пульсирующую геоточку, повернулся к Сати.

– Ну здесь, что ли?

– Вроде да. – девушка пожала плечами и открыла дверь, запуская суетливую бурю внутрь салона.

Мужчина молча подождал, пока девушка покинет машину, и сразу же умчался, скрываясь за завесой плотного снегопада.

Сати огляделась, немного постояла среди свистящего буйства вьюги, привыкая к новому пространству, потом с силой надавила на калитку и, отпихнув наметённый за зиму сугроб, кое-как просочилась во двор. Осмотрев нескладное жилище, давно обосновавшееся здесь, Сати несколько секунд потопталась перед заваленной снегом лестницей, потом кое-как пробралась наверх и, подув на замёрзшие руки, расчистила от ледяной корки замочную скважину. Стянув холодными, покрасневшими пальцами с шеи амулет, девушка приложила его к замочной скважине, и дверь почти сразу приоткрылась, застряв створкой в снегу.

– Этот сложный механизм они придумать смогли, а обычный тёплый пол положить никто не догадался. – ворчала Сати, ногой отбивая наледь.

Хитрый механизм входной группы служил уже много лет для тех, кому нужны была передышка или переправа. К этому замку нельзя было подобрать отмычку, здесь у каждого, кто хотел войти, должен был быть свой уникальный ключ. В этот дом нельзя было попасть обычному человеку, здесь могли находиться только те, кто свободно путешествовал между параллелями. Или скрывался.

Вскоре, сумев распахнуть дверь чуть шире, Сати прошла внутрь, створка за ней сразу же захлопнулась, и девушка оказалась в холодном, пропахшем сыростью коридоре.

– Добрый вечер. – тихонько сказала девушка оглядываясь. – Есть кто-нибудь дома?

По идее здесь всегда находился кто-нибудь вроде дежурного домового, но иногда попадались крайне ленивые особи и когда дом долго пустовал, они перебирались к соседям, где было теплее, сытнее и гораздо веселее, потому что домовые очень любили приватные картинки из жизни людей.

Сати прошла по коридору, заметила, что метель слегка утихает, и в комнату, куда она попала, стал пробиваться свет фонарей с улицы. Девушка прошла, знакомясь с новым пространством, остановилась перед давно потухшим камином и вспомнила, что заметила во дворе поленницу.

– О нет, – простонала она, – снова на улице.

Но делать было нечего, внутри было очень холодно и, кроме камина, других отопительных приборов как-то не наблюдалось. Сати взяла стоящую возле камина корзинку и выйдя с ней во двор, ломая наст, стала пробираться к поленнице, но странный плачущий звук в сарае, стоявшем неподалёку, привлёк её внимание.

Сати приблизилась к скромной деревянной постройке, протёрла забитое снегом оконце и, заглянув внутрь, увидела только своё отражение. Она пыталась всматриваться, но темнота надёжно укрывала внутренне убранство.

– Наверное, показалось.

Девушка пожалала плечами, сделала шаг назад, а когда снова посмотрела на окно, чуть не закричала и, сделав неловкое движение, повалилась в снег. Прямо на неё через тонкую перегородку окна абсолютно белыми глазами смотрела девица с почти истлевшим лицом. Казалось, она бьётся головой о прозрачную поверхность и вот-вот пробьёт дрожащий лист стекла. Побарахтавшись в снегу, Сати встала и, вернувшись на прежнее место, долго смотрела на одинаковые движения оскаленного рта, нить слюны, свисающую с клыков, а потом поморщилась и отошла.

Положив в корзинку несколько дровин, девушка вернулась в дом, нашла кипу старых газет, несколько раз чиркнула отсыревшими спичками, кое-как уложив топливо, и разочарованно вздохнула, когда извела половину коробка, так и не сумев развести огонь. Сати выдохнула, пошла к выходу и направилась к сараю, где был заточён чей-то призрак. Скорее всего, он охранял от чужих припасы. Люди использовали для этого собак, а жители параллелей активно привлекали к такой работе призраков, что всегда было более действенно.

Дверь в сарай поддавалась легко, Сати ступила внутрь, и на неё тут же ринулась девица с перекошенным от ярости лицом. Сати лишь отступила в сторону и, поискав глазами, сразу же увидела большой ящик. Здесь было всё необходимое, чтобы уютно скоротать вечер: спички, кофе, вяленый окорок, галеты и даже бутылка красного вина.

– Вот это я понимаю, отель пять звёзд. – пробормотала Сати и, наполнив прихваченную с собой корзинку, пошла на выход, где призрак снова попытался атаковать непрошеную гостью, но Сати лишь отмахнулась и вскоре оказалась в своём временном жилище, которое так приветливо её встретило.

Сати топила камин старыми газетами, лежавшими на журнальном столике. Поленья, которые она нашла возле дома под навесом, были совсем сырые, и серый дым сначала никак не хотел уходить в трубу давно не использованного очага. Скрип заржавевшей от бездействия печной заслонки разогнал мышей, устроивших себе логово за трубой очага, но вскоре ручка, радостно взвизгнув, поддавалась, и вниз ухнул скопившийся мусор. Он провалился на дымившие газеты, и ярко-рыжие языки пламени взметнулись вверх. Поленья постепенно сохли и разгорались, уставшая девушка привалилась к тёплому боку очага, она пила вино прямо из бутылки и потихоньку грызла галеты и окорок. Вскоре хмельная сытость и тишина погрузили её в сон, и Сати, свернувшись калачиком на тёплом полу, уснула. Вдруг словно от толчка она открыла глаза и посмотрела в окно, где раннее утро только начинало бродить среди кружева заснеженных деревьев.

– Доброе утро, дом. – сонно улыбнулась Сати.

Быстро справившись с остывшим очагом, она улыбнулась огню, ей сразу стало весело и тепло, и почему-то показалось, что она наконец-то дома. Придя на кухню, она выложила из корзинки остатки добытых съестных припасов и проверила плиту.

– Отлично. – Сати порадовалась тому, что огонь на конфорке занялся сразу. – Потом можно и кофе выпить, а пока прогуляюсь по дому. – болтала она сама с собой, чтобы как-то разбавить тишину.

Девушка устроила себе маленькую экскурсию. Сати обследовала чулан, жилые комнаты, мансарду, откуда открывался чудный вид на залив. Там она нашла и собрала выцветшие журналы, глянец которых уже померк, она полистала ненужную никому информацию и решила, что из них получится отличная растопка.

Не найдя больше ничего интересного, Сати вышла на кухню, чтобы поставить кофе, а когда вернулась, увидела, что огонь в камине затухает. Она бросила очередную партию прессы

в камин, и вдруг что-то очень знакомое промелькнуло среди вспыхнувших листов. Нелепой, вычурной железной кочергой Сати расшевелила страницы и замерла. Так же как плавилась и становилась призрачным и серым пеплом листы кулинарного журнала, так же стала серым призраком её прошлая жизнь, но в этот момент яркой искоркой перед ней мелькнули новые образы, она поняла, что это были чьи-то воспоминания. Боясь спугнуть их, Сати замерла, глядя на опалённые края, и сейчас казалось, что ей жгут руки, пока в огне корёжились руки какого-то весёлого повара, который показывал, как испечь миндальные пряники. Она вдруг вспомнила зелёные блестящие яблоки, ароматные пряные травы, россыпь приправ и росчерк муки на деревянном столе. Тепло рассветных лучей солнца, пробивавшееся сквозь прижавшийся к дому сад, навевало воспоминания о приготовлениях к утренней трапезе.

С соседней крыши съехал белоснежный пласт снега, словно срезанный ножом лоснящийся кусок сыра, превращавшийся в умелых руках в сыпучее кружево. В капёли, начавшейся за окном, ей слышалось мерное постукивание венчика, под чьим напором бледно-лимонные желтки яиц превращались в невесомую пену. Воспоминания приносили грёзы о прошлом, когда на печи воскресным утром румянились гренки с сыром, томился рядом кофе, а толстые блины отдыхали под полотенцем. И сейчас запах воспоминаний смешался с пригоревшей горчинкой убежавшей кофейной пенки.

Сати очнулась от образов чужой памяти, увлёкших её за собой, она побежала на кухню и сдавленно крикнула, задев косяк двери. Остатки кофе бурлили и выливались через край джезвы, коричневые крупинки скользили в расплывающемся пятне, устремляясь ручейком на пол, и Сати не могла понять, в плену чьих воспоминаний она вдруг оказалась. Размазывая жидкость по глянцевой поверхности плиты, Сати замерла, услышав странный хруст у себя за спиной. Медленно обернувшись, она увидела, что задетый дверной косяк отошёл в сторону и готов упасть. Отставив кофейник, девушка прошипела ругательство и постаралась приладить деревяшку на место. Вдруг она увидела в прорехе стены какой-то тёмно-бордовый кусок, покрытый толстым слоем пыли.

Разбросав остатки штукатурки тряпкой, Сати подцепила торчавший край, аккуратно подтянула к себе, но услышав треск рвущейся материи, остановилась. За косяком ниша скрывала почти вросшую в стену дома, обтянутую ворсистой тканью, стопку пожелтевшей бумаги. Зубья попавшейся под руку вилки вонзились в ветхую внутренность стены, и стопка листов выпала из гнезда в облаке красновато-жёлтой пыли, усеяв пол под ногами Сати. Осторожно переступив то, что когда-то было рукописью, она подхватила кусок материи и стряхнула в раковину пыль.

Подхватив кофейник, Сати снова устроилась у камина и стала пролистывать часто испианные листки. Скорыми строчками был описан какой-то отрезок прошлого. Сати казалось, что она наблюдает за людьми столетие за столетием. Время кроило цивилизацию, как живой организм, каждое слово затягивало её внутрь, тащило на дно горечью фраз. Внезапно описание прервалось, на полуслове, без предупреждения, так как рассыпанные листы, было невозможно собрать в порядке повествования. Сати уловила лишь то, что записи эти вёл один человек и ей на минуту стало страшно в этом пустом, огромном доме. Она прислушалась к звукам воды в трубах, к какому-то скрежетанию, потом, успокоившись, взяла наугад пару листов из середины стопки, и теперь уже погрузилась в новое жизнеописание. Там, хозяйка трактира, славившегося на всю округу, запекала окорока, варила брагу, вымачивала ягоды, солила рыбу. Зимой покупала у охотников дичь, а летом сушила травы и грибы, а в кладовой у неё хранились кадки с квашеной капустой, круги кровяной колбасы и другая снедь. Жизнь в этой деревне была тихой и мирной. И судя по дальнейшим фразам, беда пришла неожиданно и этой милой деревни не стало. Сати отвлеклась, пересела к огню поближе, и воображение унесло её в мир повествования. И, возможно, теперь там, где раньше стоял трактир, растут деревья, потому что зола – хорошее удобрение для земли, хотя вряд ли деревья, выросшие на пепелище, замешенном на крови, могут быть живыми. Тепло, гревшее спину, превратилось в нестерпимый жар, и Сати

словно вынырнула из водоворота чьей-то прошлой жизни. Новый день начал расцветать, зола в потухшем камине почернела и Сати объяло непонятное, но как ей показалось знакомое чувство. Ожидание закончилось.

Сквозь узор ветвей деревьев начал просачиваться золотой свет нового, морозного дня. Выйдя на веранду, Сати оглядела спящий под снежным покровом сад, как будто весна, полноправно распоряжавшаяся в городе, забыла заглянуть за его пределы. Девушка дышала полной грудью так, словно пила воду из чистого источника и никак не могла напиться. Ей было весело оттого, что она перестала быть тенью и обрела грани. Вдруг стукнула калитка, Сати замерла, остановила дыхание. Она вспомнила старые трюки и слилась с пейзажем. Шаги приближались и вскоре послышались от угла дома, и Сати с удивлением увидела того официанта из кафе. Утопив голову в воротнике клетчатого пальто, он уверенно трусил к входной двери. Остановившись, мужчина порыскал глазами вокруг, покрутился на месте как собака, нагнулся к корням растущей возле самого дома бузины и стал копать руками снег. Сати ухмыльнулась. Она поняла, что это был Чёрт! И стала наблюдать, как он потихоньку окапывался в корнях бузины: нечисть любит устраивать своё логово именно рядом с этими кустами. Сати решила его пока не трогать и продолжала наблюдать за синееющим небом. Неслучайно здесь появился этот Чёрт, надо потом растолкать его и расспросить, чей призрак он держит взаперти.

Уже к полудню девушка поняла, что предчувствие её обмануло. Ей вдруг стало неуютно в пустом доме, она ходила из комнаты в комнату, пять раз ставила кипятиться чайник, но с каждой минутой всё яснее понимала, что снова осталась одна. Плюнув, Сати глянула в окно на вечеряющий двор, затем откинулась в кресле и вздохнула. Потеплевший к вечеру воздух встретил её на открытой веранде. Девушка села на скамеечку и решила хоть как-то развлечь себя и может узнать что-нибудь полезное. Губы её стали двигаться, чеканя речитатив, она тихо читала заговор, выводящий чертей из себя. Пора было допросить нежданного соседа, и обычно они шевелились сразу, но этот даже виду не подал. Сати подошла поближе к бузине, легонько потрясла дерево и стала говорить громче.

– Что, не выходит? – прозвучало у неё за спиной.

Резко обернувшись, Сати увидела, как воздух стал обретать очертания, и появилась Пава.

– Не волнуйтесь, он у меня дрессированный. – Пава открыла дверь. – Прошу в дом.

– Пава?! – Сати вспомнила эту девушку.

– Добрый вечер. Наконец-то нам никто не мешает. – Пава провела рукой над погасшими чёрными поленьями в печи, и они дружно подхватились пламенем. – Присаживайся, – она достала два бокала зелёного хрусталя и длинную бутылку, запечатанную глиной. – Пора бы нам поговорить. – Пава раскрошила пробку, обтёрла тряпкой горлышко и наполнила бокалы светлым напитком, отчего в комнате разлился аромат яблок, груш и мёда.

– Я помню этот запах. – Сати подошла к столу поближе.

– Ещё бы, – Пава присела напротив. – Можно отнять время, силы, даже жизнь, наконец, но то, что тебе дорого навсегда останется в памяти. Идан любил это вино.

– Разве ты знала Идана? Я думала, что он перешёл на другую сторону ещё до твоего рождения. – взяв стакан двумя руками, Сати окунулась в сладостные ароматы.

– Да неужели. Я родилась с тобой в один день, только на несколько столетий позже. Но тогда Идан ещё был. – от той незаметной девушки, которой она показалась при первой встрече, не осталось и следа. Уверенная в себе молодая женщина умело пряталась внутри. – Я уж думала, Антиквар никогда не выпустит тебя из той дыры, куда засунул.

Вздыхнув, Сати присела напротив, оставив бокал.

– О чём ты?

– О том, что мне стоило огромного труда провести всех, и в том числе Антиквара, чтобы вытащить тебя сюда.

– Давай-давай, ведь в моей жизни всё настолько чётко и ясно, что твоих путанных речей мне как раз не хватает. Ты-то, что здесь делаешь? – Сати раздражённо поставила бокал на стол, расплескав вино.

– Я дочь Марты. – спокойно сказала Пава.

– И что? – Сати пересекла гостиную и заглянула Паве в глаза. – Мне броситься к тебе с родственными объятиями? Боюсь, не смогу, после того, как отец мне рассказал нашу милую семейную историю. И многое из того, что произошло за то время, пока я блуждала на задворках мира. – Сати помолчала. – Не без помощи твоей матери, кстати. И потом, если бы у меня родилась кузина, я, по крайней мере, об этом знала.

– Тебе нельзя было знать. Меня с рождения готовили тебе в помощницы.

– Слушай, а ты можешь, как-то попроще выражаться. И потом, как именно ты собралась мне помогать? – Сати всплеснула руками. – Может быть, у тебя есть семья, с которой ты меня познакомишь?! И вы все будете проводить со мной время, пока я оправлюсь от пережитого. Твои детишки будут ползать вокруг, а отец Георга к чёртовой матери спалит весь дом, потому что ему от этого весело.

– Моя семья в своё время стерилизовала меня. Так что с детишками не получится. Это сделано для того, чтобы я не могла чувствовать, любить, завести семью, радоваться каждому утру нового дня. – спокойно ответила Пава. – У меня отняли все эмоции и все чувства, есть только преданность. С первых дней жизни меня отправили в ученицы к Ведуну. Готовили тебе в компаньонки, точнее, в помощницы. Знаешь, у таких великих ведьм, как ты, помощницы – незримые тени. Обычно их считают интриганками. Их боятся, ненавидят, потому что они не прошибаемы. Их просто невозможно обойти, и они до безумия преданы своей хозяйке. А я так не хотела. Точнее, не могла понять, чего я не хочу, но выросла и увидела, как может быть по-другому.

– Мне жаль тебя разочаровывать. Вот Чайна, она ведьма, а я, по всей видимости, не получилась. – Сати задумалась. – Но, ты сказала про Ведуна, а я слышала его зов. Почему он зовёт меня? Может, знаешь? Это великая честь, но почему именно меня?

– Ты Всевеликая! – просто обронила Пава.

– Смешно. – скептическая усмешка пробе Сати. – Появление Всевеликой ждут веками. Её с детства пестуют, обучают и берегут, это особа королевских кровей.

– Ты не поняла. – Пава встала со стула. – Ты Всевеликая Ведьма Параллелей.

– Кто? – покривилась Сати.

– Тебе пока даже не положено знать о том, кто это. Это знание раскрывают только единицам. Всевеликие Ведьмы изначально почти ничего не умеют. Их силы дремлют и когда будет пройдено великое множество ритуалов, раскрывающих ваше естество, проснётся Древнее Знание.

– А я-то думаю, что-то спится мне плохо по ночам. А это, видимо, Древнее Знание сыпается. – съязвила Сати и хлопнула ладонью по столу. – Так много красивых слов, но я что-то запуталась в своём величии. Почему ты считаешь, что мой отец поместил меня в какую-то дыру?

– Антиквар – не твой отец.

– Здрости, приехали. – Сати развела руками. – А кто он? И Вэлия, наверное, не моя мать.

– Совершенно верно. Нашим семьям была оказана честь воспитывать тебя и провести через ритуалы посвящения. Поэтому твоя приёмная мать удалилась, когда пробил час совершеннолетия, в виток параллелей, в самую сердцевину, откуда расходятся миры, чтобы там ждать тебя. И там передать Священный огонь познания. Но Барон Германия и тот, кто им управляет, не могут допустить твоего прихода в тот виток параллелей. Поэтому он превратил мою мать в гидру, в паразитарную энергию, и когда Вэлия совершала переход, Марта спутала все тропы, ведущие туда. Потом она пропала, а только она знает код и может открыть перед

тобой дверь, за которой гудит Священный огонь познания. Наша задача сначала найти Велию. Марта, когда осознала, что случилось, успела, уже будучи ослеплённой паразитарной энергией, оставить две весточки. Одну из них знает Георг, другую она спрятала в том убежище, что создала для тебя. Ещё мог бы помочь Идан, однако ты его не найдёшь, но будешь искать. А пока его ищешь, тебя снова проведут через обряд забвения. И так от обряда к обряду, вымывая в твоей памяти огромную дыру. Антиквар снова тебя найдёт, и так по кругу.

– Ну, какая-то не совсем весёлая перспектива. – Сати залпом допила яблочное вино.

– Есть одно но, Ведун ценою своей жизни помогает тебе. Он подготовил меня. Если успеем, то на этот раз пройдем дальше.

Сати долго сидела, задумавшись, переводила взгляд с Павы на камин и обратно.

– А почему я не найду Идана?

– Потому что он уже не тот. Он околдован, и каждый раз, когда вы с ним встречаетесь, ты испытываешь дикий животный страх. – Пава тяжело вздохнула. – Как тогда во время обряда перехода.

– Это был он? – Сати внутренне похолодела, вспомнила ту белую тень.

Она вскочила на ноги и, закусив нижнюю губу, выбежала на веранду. Сати прислонилась к стене дома и втянула холодный воздух. Потом почувствовала, что рядом остановилась Пава и посмотрела на неё. Сати спустилась по ступеням и села прямо лестнице, она опустила руку на наметённый сугроб. Пальцы её сначала воткнулись в корку наста, прихваченную ночным морозцем, а потом провалились дальше.

– Я думала, что, когда обрету память, мне будет легче. Почему родители никогда мне ничего не говорили? – Сати повернула голову к Паве, стоявшей позади.

– Потому что тебя прятали. Последняя Всевеликая Ведьма, когда передала тебе ключ, предупредила Антиквара, что надо торопиться, но это может стоить жизни. Они всё время думают, о том, что смогут что-то сделать и спасти тебя. Но тебе пора всё узнать и принять битву, найти своё место и остановить это безумие. Я не имею права всё это рассказывать, но Ведун понимает, что всё заходит слишком далеко. Марта разрушает параллели и от них скоро ничего не останется. Сати, не время лить слёзы.

– Я ведь даже проверить твои слова никак не могу. – Сати заметила шевеление под снегом в корнях бузины.

– Делай то, что подскажет сердце.

Сати увидела, как Чёрт выползает задом наперёд, облачённый в ярко-малиновые штаны. Она, вдруг почувствовав сильную злость, занесла ногу и оставила отпечаток своей ступни на его заднице, услав Чёрта обратно.

– Не, ну нормально вообще. – послышалось скуление через секунду. – Кто там такой борзый? – теперь из его норы показалась недовольная морда. Чёрт тряхнул всклокоченным чубом и поправил галстук жуткого фиолетового цвета. – Чё собственно происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.